

ТА ТРЕТЬЯ.

(Изъ дневника художника.)

РАЗСКАЗЪ ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА.

I.

За мастерскую, въ которой мы со Святецкимъ жили и работали, было не заплачено, во-первыхъ, потому, что у обоихъ нась находилось всего-на-всего около пяти рублей, а, во-вторыхъ, мы чувствовали чистосердчное отвращеніе къ платежу квартирныхъ денегъ.

Товарищи нась называютъ мотами, а я первый предпочту пропить деньги, чѣмъ швырнуть ихъ хозяину дома.

Что касается нашего хозяина, то онъ былъ человѣкъ не злой, и, къ тому же, мы нашли средство справляться съ нимъ.

Когда (обыкновенно это бываетъ утромъ) онъ приходитъ къ намъ съ напоминаніемъ, Святецкій, который спить на полу, на матрацѣ, и покрываются турецкою занавѣской, служащею намъ фономъ для портретовъ, приподнимается до половины и говорить гробовымъ голосомъ:

— Какъ я радъ, что вижу васъ! Мнѣ снилось, что вы умерли. — Хозяинъ (чѣ-

ловъкъ съ предразсудками и, видимо, боящійся смерти) приходитъ въ необыкновенное смущеніе, а Святецкій падаетъ на матрацъ навзничъ, вытягиваетъ ноги, складываетъ на груди руки и продолжаетъ:

— Я видѣлъ васъ такимъ же, какъ сейчасъ: на васъ были бѣлые перчатки съ черезъ-чуръ длинными пальцами и лакированные сапоги, но вообще вы мало измѣнились.

Тогда и я прибавляю въ свою очередь:

— Такіе сны не всегда сбываются.

Кажется, это „не всегда“ приводить хозяина въ отчаяніе. Кончается тѣмъ, что онъ впадаетъ въ гнѣвъ, хлопаетъ дверями и мы слышимъ, какъ онъ сходить съ лѣстницы черезъ четыре ступеньки, проклиная насъ на чёмъ свѣтъ стонть. Добрая душа не хотѣла, однако, присылать къ намъ судебнаго пристава.

Правда, у насъ почти нечего было описывать; вѣроятно, хозяинъ понималъ, что въ этой мастерской и прилегающей къ ней маленькой кухнѣ поселятся другіе художники, и дѣло пойдетъ такъ же, если не хуже.

Однако, лезвіе нашего оружія современемъ притунилось. Хозяинъ освоился съ мыслью о смерти. Святецкій намѣревался писать три картины, подъ названіемъ „Кончина“, „Похороны“, „Пробужденіе отъ летаргіи“. Конечно, во всѣхъ картинахъ долженъ фигурировать владѣлецъ нашего дома.

Такіе гробовые предметы составляютъ специальность Святецкаго, который, по его же словамъ, рисуетъ „трупы“, „трупищи“ и „трушики“. Вѣроятно, поэтому никто и не хочетъ покупать его картины, хотя у Святецкаго несомнѣнныи талантъ. Онъ только что послалъ въ парижскій „Салонъ“ два своихъ „трупища“, а такъ какъ и я отправилъ туда же своихъ „Жидовъ надъ Вислой“, которыхъ въ каталогѣ „Салона“ окре-стили „Евреями на рѣкахъ Вавилонскихъ“, то мы оба и ожидали съ нетерпѣніемъ рѣшения жюри.

Натурально, Святецкій предвидѣлъ, что все пойдетъ какъ нельзя хуже, что жюри состоится изъ отборныхъ идіотовъ, а хотя бы и не состояло, то я идіотъ, онъ идіотъ, картины наши идіотскія, а премированіе ихъ было бы верхомъ идіотства!

Сколько это животное крови у меня испортило за тѣ два года, что мы прожили вмѣстѣ, и описать невозможно... Все честолюбіе Святецкаго состоитъ въ томъ, чтобы считаться нравственнымъ „труицомъ“. Среди постороннихъ онъ разыгрываетъ изъ себя пьяницу, хотя самъ по себѣ вовсе не пьяница... Вливаетъ въ себя двѣ или три рюмки водки и оглядывается, замѣчаемъ ли мы; а если не увѣренъ въ этомъ, то толкаетъ кого-нибудь изъ насъ локтемъ и, смотря изподлобья, спрашиваетъ подземнымъ голосомъ:

— Правда, какъ я низко упалъ... а? правда?

Мы отвѣчаемъ ему на это, что онъ глупъ. Тогда онъ впадаетъ въ бѣшенство, и ничѣмъ невозможно его привести въ самое скверное расположеніе духа, какъ невѣремъ

въ его нравственное паденіе. При всемъ онъ чудеснѣйшій парень съ головы до ногъ.

Разъ мы заблудились въ горахъ въ Зальцкаммергутѣ, около Zell am See...

Такъ какъ наступила ночь и голову сломать было не трудно, то Святецкій говорить мнѣ:

— Слушай, Владекъ, такъ какъ у тебя талантъ больше, то тебѣ больше и бѣречься надо. Я пойду впередъ... Если слечу, ты просидишь на мѣстѣ до утра, а утромъ какъ-нибудь найдешь дорогу.

— Нѣтъ, — говорю, — ты не пойдешь впередъ, пойду я, потому что у меня глаза лучше.

А Святецкій:

— Если я не сломаю шею здѣсь, то все равно издохну въ канавѣ... мнѣ одинъ конецъ.

Мы начинаемъ спорить.

Въ это время дѣлается темно, какъ въ погребѣ. Въ концѣ-концовъ мы решаемъ бросить жребій. Бросаемъ.

Святецкій вытягиваетъ узелокъ и идетъ впередъ.

Мы подвигаемся. Сначала тропинка довольно широка, потомъ становится все уже. Насколько можемъ судить, направо и налево — пропасти, почти бездонныя.

Хребетъ становится еще уже и, кроме того, обломки вывѣтревшейся скалы скатаются внизъ изъ-подъ нашихъ ногъ.

— Я иду на четверенькахъ, иначе нельзя! — говоритъ Святецкій.

Дѣйствительно, иначе нельзя. Мы опускаемся на четверенькахъ и идемъ дальше, какъ два чимпанзе.

Но вскорѣ оказывается, что и изъ этого толку мало. Горный хребетъ становится не шире конскаго. Святецкій садится верхомъ, я за нимъ и, опираясь руками, мы оба подвигаемся впередъ съ большимъ ущербомъ для нашей одежды.

Немногого погодя я слышу голосъ Святецкаго:

— Владекъ!

— Что такое?

— Хребетъ кончился.

— А дальше что?

— Пусто... должно быть, пропасть.

— Возьми какой-нибудь камень и брось... послушаемъ, долго ли онъ будетъ летѣть.

Въ темнотѣ я слышу, какъ Святецкій щупаетъ руками, чтобы найти какой-нибудь камень, и потомъ говоритъ:

— Я бросаю, слушай!

Мы настораживаемъ уши.

Тишина.

— Ты ничего не слыхалъ?

— Ничего!

— Хорошо мы устроились! Должно быть, не меньше ста сажень.

— Брось еще разъ!

Святецкій находить болѣе крупный обломокъ и бросаетъ.

Ни малѣйшаго звука.

— Что тамъ, дна нѣть, что ли? — говоритъ Святецкій.

— Нечего дѣлать, будемъ сидѣть до утра.

Мы сидимъ. Святецкій еще два раза бросаетъ камень, — все напрасно. Проходитъ часъ, другой, наконецъ, я слышу голосъ Святецкаго:

— Владекъ, смотри, не задремли! Папиросы у тебя есть?

Оказывается, что папиросы у меня есть, а спичекъ нѣть у насъ обоихъ. Бѣда, да и только! Теперь, должно быть, около часа ночи а можетъ быть, и меньше.

Начинаетъ накрапывать мелкій дождь. Кругомъ — ни зги не видно. Я прихожу къ убѣжденію, что живя между людьми, въ городахъ ли, въ деревняхъ, мы не имѣемъ понятія, что такое тишина. Отъ той, которая окружаетъ насъ, даже въ ушахъ звенитъ.

Я почти слышу, какъ кровь движется въ моихъ жилахъ, а біеніе своего сердца слышу превосходно.

Сначала такое положеніе занимаетъ меня.

Сидѣть въ глухую ночь, какъ на лошади, на скалистомъ хребтѣ, надъ бездонною пропастью, — такой случай не представится какому-нибудь столичному франту; но вскорѣ мнѣ дѣлается холодно, а, вдобавокъ, Святецкій начинаетъ философствовать:

— Что такое жизнь? Жизнь по-просту — одно свинство. Говорятъ: искусство, искусство! Пусть меня черти возьмутъ вмѣстѣ съ искусствомъ... Чистое обезьянничанье природы, и, вдобавокъ къ тому, подлость... Два раза, напримѣръ, я видѣлъ „Салонъ“. Наслали столько картинъ, что изъ этого полотна можно было бы нашить матрацы для всѣхъ жидовъ на свѣтѣ, — а что это было? Наиподлѣйшее угощеніе всѣмъ лавочниковъ, какое только можно вообразить, рассчитанное на торговлю или на наполненіе собственного брюха. Развратъ искусства, ничего больше! Если бы тамъ искусство было, то оно лопнуло бы со злобы; къ счастью, настоящаго искусства нѣть на свѣтѣ... есть только природа. Быть можетъ, природа чего-нибудь стоитъ, хотя я думаю, что и природа тоже свинство!... Лучше всего было бы спрыгнуть туда... и разомъ все покончить. Я и спрыгнулъ бы, еслибы у меня была водка; но такъ какъ водки у меня нѣть, то я и не сдѣлаю этого, потому что далъ себѣ слово покончить жизнь въ пьяномъ видѣ.

Я давно привыкъ къ болтовнѣ Святецкаго, но посреди этой тишины и глухи, въ холодѣ, въ темнотѣ, надъ пропастью, его слова и меня настроили на унылый ладъ. Къ счастью, онъ выболтался, бросилъ еще два раза камень, еще два раза повторилъ: „ничего не слышно!“ — и съ той поры мы молчали часа три.

Мнѣ сдавалось, что скоро долженъ наступить разсвѣтъ, какъ вдругъ мы услыхали надъ нашими головами карканье и шумъ крыльевъ.

Было еще темно, и я не могъ ничего разсмотреть, но былъ увѣренъ, что это орлы начинаютъ кружить надъ пропастью. „Кра! кра!“ — раздавалось все сильнѣе вверху и въ темнотѣ. Удивляло меня такое множество голосовъ, словно надъ нами пролетали легіоны орловъ. Но будь, что будеть, — все-таки, они предвѣщали приближеніе дня.

И дѣйствительно, вскорѣ я увидалъ свои руки, опирающіяся на закраину хребта, потомъ вырисовывались предо мною плечи Святецкаго, точно черный силуэтъ на болѣе свѣтломъ фонѣ. Этотъ фонъ блѣднѣлъ съ каждою минутой. Вотъ чудесный, блѣдно-серебристый тонъ скользнулъ по спинѣ, по плечамъ Святецкаго, началъ насыщать темноту, какъ будто кто-нибудь вливалъ въ нее серебристую жидкость, мѣшался съ ней, обращать ее изъ черной въ сѣрую, изъ сѣрой въ жемчужную. Становилось сыро; не только скала, но и воздухъ казался мокрымъ.

Съ каждою минутой становилось все свѣтлѣй.

Я смотрю, стараюсь запомнить эту сѣнѣ тоновъ и понемногу рисую ихъ въ глубинѣ души, какъ вдругъ крикъ Святецкаго прерываетъ мое занятіе.

— Тыфу, идіоты!

И плечи его исчезають изъ моихъ глазъ.

— Святецкій! — кричу я, — что ты дѣлаешь?

— Не визжи, смотри!

Я наклоняюсь, смотрю — что-то показывается. Я сплю на кучѣ каменьевъ, аршинахъ въ двухъ надъ уровнемъ лужайки. Мохъ заглушалъ стукъ каменьевъ; вдали видна дорога, на ней вороны, которыхъ мы приняли за орловъ. Намъ нужно было только спустить ноги, чтобы преснокойно отправиться домой.

И такъ мы просидѣли на каменьяхъ, щелкая зубами, цѣлую ночь...

Не знаю почему, теперь, когда мы со Святецкимъ ожидали нашествія хозяина, это приключеніе, случившееся года полтора тому назадъ, припоминалось мнѣ такъ, какъ будто бы это было вчера.

Воспоминаніе это придало мнѣ столько бодрости, что я сейчасъ же говорю Святецкому:

— Помнишь, Антекъ, какъ мы думали, что сидимъ надъ пропастью, а оказалось, что передъ нами ровная дорога? Такъ же можетъ быть и теперь. Мы бѣдны, какъ церковные крысы, хозяинъ хочетъ выкурить насъ изъ мастерской.... и все это можетъ сразу пzmѣниться. А ну, какъ откроется какой-нибудь шлюзъ со славой и преврѣпимъ металломъ?

Святецкій въ это время сидѣлъ на матрацѣ и натягивалъ сапогъ, ворча, что жизнь состоитъ изъ надѣванія сапогъ утромъ и сниманія ихъ вечеромъ, и у того только есть умъ, у кого хватаетъ духу повѣситься; если же онъ, Святецкій, до сихъ поръ,

этого не сдѣлалъ, то единствено благодаря тому, что онъ не только глупѣйшій изъ дураковъ, но, вмѣсть съ тѣмъ и подлый трусь.

Взрывъ моего оптимизма прервалъ его размышленія. Онъ поднялся, посмотрѣлъ на меня своими рыбьими глазами и говорить:

— Тебѣ, конечно, есть чѣму радоваться. Недавно старикъ Сусловскій выкурилъ тебя изъ дома и изъ сердца своей дочери, а сегодня хозяинъ выкурилъ тебя изъ мастерской.

Увы! Святецкій говорилъ правду. Три дня тому назадъ я былъ еще женихомъ Кази Суловской, а теперь, съ утра вторника.... да! именно во вторникъ я получилъ отъ ея отца слѣдующее письмо:

Любезный панъ Магурскій!

„Наша дочь, подчиняясь волѣ родителей, рѣшается отказаться отъ союза, который грозилъ бы ей несчастіемъ. Она могла бы всегда найти пріютъ на лонѣ матери и подъ кровлей отца, но обязанность наша заставляетъ предостеречь ее отъ этой крайности. Не столько ваше материальное положеніе, сколько вашъ легкомысленный характеръ, который вы не могли скрыть, несмотря на всѣ странія, побуждаетъ насъ и нашу дочь возвратить вамъ назадъ данное слово и прервать съ вами всѣ сношенія, что, впрочемъ, не помѣшаетъ памъ искренно желать вамъ всего лучшаго.

„Съ почтеніемъ имѣю честь быть Геліодоръ Суловскій, бывшій начальникъ бывшей финансовой комиссіи Ц. П.“.

Таково было содержаніе письма.

Что при моемъ материальномъ положеніи довольно трудно было голоднаго пса изъ-подъ стола выманить, съ этимъ я болѣе или менѣе соглашался; но чего патетичный панъ Суловскій хочетъ отъ моего характера, рѣшительно не понимаю.

Голова Кази напоминаетъ типы временъ Директоріи; къ ней бы великолѣпно шло, если бы она причесывалась по тогдашней, а не по теперешней модѣ. Я пробовалъ просить ее обѣ этомъ нѣсколько разъ, но напрасно, — она ничего не понимаетъ въ подобныхъ вещахъ. За то колоритъ ея лица такой теплый, какъ будто бы его рисовалъ Фортуні.

Именно за это я страстно ее любилъ и первый день послѣ письма Суловскаго ходилъ, какъ убитый. Только на другой день и то вечеромъ, мнѣ немнога полегчало, когда я сказалъ самому себѣ: нѣтъ, такъ нѣтъ! Больше всего мнѣ помогало снести этотъ ударъ то, что въ это время моя голова была занята „Салономъ“ и моими „жидами“. Я былъ убѣжденъ, что это приличная картина, хотя Святецкій пророчествовалъ, что ее прогонять даже изъ сѣней „Салона“.

Началь я ее рисовать съ годъ тому назадъ.

Дѣло было такъ:

Иду я себѣ вечеромъ надъ Вислой, смотрю: лодка съ яблоками разбилась. На берегу сидѣть все жидаовское семейство въ такомъ отчаяніи, что даже и не вопить, — заломили жиды руки и смотрятъ на воду, какъ статуи. Тутъ старый жидъ, патріархъ, старая жидаовка, молодой жидъ, колосальное животное, какъ Маккавей, молодая дѣвушка, немного веснушчатая, но съ огромнымъ характеромъ въ рисункѣ носа и губъ, наконецъ двое жиденятъ. Вечеръ спускается; рѣка отливаетъ мѣдными рефлексами, — просто чудо. Деревья всѣ въ огнѣ, дальше опять вода, тоны багряные, тоны ультрамариновые, тоны то почти стальны, то снова переходящіе въ пурпурные и фиолетовые. Воздушная перспектива — роскопъ; переходы отъ однихъ тоновъ къ другимъ такие неуловимые, чудные, что просто духъ захватываетъ, — кругомъ тихо, свѣтло, спокойно. Надо всѣмъ разлита такая меланхолія, что хочется плакать, и эта группа въ отчаяніи, сидящая такъ, какъ будто всѣ они отъ малаго до большаго позириуютъ въ мастерской. 4

У меня сразу въ головѣ прояснилось: вотъ моя картина!

Ящикъ съ красками былъ при мнѣ, — безъ него я не хожу. Я тотчасъ же началъ набрасывать эскизъ, а передъ этимъ сказалъ жидаамъ:

— Сидите такъ, не трогайтесь!... По рублю каждому до сумерекъ.

Мои жиды сразу поняли, въ чемъ дѣло, и сидѣть, какъ вкопанные. Я все рисую, рисую, рисую...

Мало-по-малу, совершенно неожиданно для меня, группа начинаетъ приходить въ хорошее расположение духа.

— Жиды! — кричу я, — горюйте!

А старуха отвѣчаетъ:

— Чего намъ горевать, коли вы обѣщали намъ по рублю? Пускай горюетъ тотъ, у кого заработка нѣтъ!

Я долженъ былъ пригрозить имъ, что ничего не заплачу.

Однако, мнѣ пришлось набрасывать эскизъ два вечера подрядъ; потомъ жиды два мѣсяца позировали у меня въ мастерской.

Пусть Святецкій говоритъ, что хочетъ, — картина хорошая, вовсе не холодная; въ ней и правда, и пропасть натуры. Я даже оставилъ молодой жидаовкѣ ея веснушки. Лица могли быть болѣе красивыми, но не могутъ быть болѣе правдивыми и имѣть больше характера.

Чѣмъ больше я думалъ объ этой картинѣ, тѣмъ легче переносилъ утрату Кази. И вотъ, когда Святецкій напомнилъ о ней, мнѣ показалось, что это было Богъ знаетъ какъ давно. Святецкій натянулъ другой сапогъ, а я началъ наставлять самоваръ.

Пришла съ булками старуха Антониха (Святецкій въ теченіе года — и, притомъ, совершенно напрасно — уговариваетъ ее повѣситься) и мы засѣли за чай.

— Съ чего ты сегодня такой веселый? — сердито спрашиваетъ меня Святецкій.

— Почемъ я знаю!... Увидишь — намъ предстоитъ какая-то неожиданность. Въ эту минуту мы слышимъ трескъ лѣстницы, ведущей въ мастерскую.

— Хозяинъ! Вотъ тебѣ твоя неожиданность! — говорить Святецкій.

Онъ чуть не давится горячимъ чаемъ, вскаиваетъ; а такъ какъ наша кухня проходная, — прячется въ мастерской за костюмы и кричитъ изъ своего прикрытия задыхающимся голосомъ:

— Душечка! онъ тебя ужасно любить, поговори съ нимъ!

— Онь обожаетъ тебя! — отвѣчаю я и тоже лечу къ костюмамъ, — поговори лучше ты!

Въ это время двери отворяются и входитъ... кто? — не хозяинъ, а сторожъ дома въ которомъ живутъ Сусловскіе.

Мы выходимъ изъ-за костюмовъ.

— Письмо къ вамъ, — говорить сторожъ.

Беру письмо... Клянусь Гермесомъ, отъ Кази! Разрываю конвертъ и читаю слѣдующее:

„Я увѣренъ, что папа и мама простятъ насть. Приходите сейчасъ, несмотря на раннее время. Мы только что возвратились съ водъ, изъ сада. К.“.

„Собственно говоря, я не знаю, за что папа и мама должны меня простить, но мнѣ нѣтъ времени думать объ этомъ; голова моя кругомъ идетъ отъ удивленія...“.

Только спустя нѣсколько минутъ я подаю письмо Святецкому и говорю сторожу:

— Любезный! скажи барышнѣ, что сейчасъ приду... Постой!... У меня нѣтъ мелкихъ, вотъ тебѣ три рубля (послѣдніе!), размѣнай, рубль возьми себѣ, а мнѣ принеси сдачу.

Говоря къ слову, это чудовище, взявши три рубля, больше не показывалось. Знало, животное, что я не стану поднимать шумъ въ домѣ Сусловскихъ.

— Ну, что? — спрашиваю Святецкаго.

— Ничего! каждый теленокъ найдетъ своего мясника.

Поспѣшность, съ которой я одѣвался, не позволила мнѣ подыскать надлежащей отвѣтъ и достойно отразить дерзость Святецкаго.

II.

Спустя четверть часа я звоню у Сусловскихъ.

Отпираетъ мнѣ сама Казя. Она прелестна... Отъ нея вѣтъ теплотою сна и утреннею свѣжестью, которую она принесла изъ сада въ складкахъ своего свѣтлого лубаго ситцеваго платья. Снимая шляпу, она слегка растрепала свои волосы. Лицо ея смѣется, глаза смѣются, влажныя губки смѣются... Олицетвореніе утра. Я хватаю ея руки и начинаю цѣловать до локтей; она же наклоняется къ моему уху и спрашиваетъ:

— А кто сильнѣе любить?

Потомъ она ведеть меня за руку къ своимъ родителямъ. У старика Сусловскаго лицо римлянина, обрекающаго на смерть *pro patria* единственное свое дѣтище; мать роняетъ слезы въ кофе, — оба они сидятъ за кофе. Оба они встаютъ при видѣ насть и пань Сусловскій изрѣкаетъ:

— Разумъ и обязанности повелѣвали бы мнѣ сказать: нѣть! но у родительскаго сердца есть другія права; если же кто-нибудь скажетъ, что это — слабость, то пусть меня за нее Богъ судитъ.

Тутъ онъ поднимаетъ глаза въ доказательство, что готовъ отвѣтить въ случаѣ, если небесный трибуналъ немедленно приступить къ составленію протокола. Во всю жизнь свою я не видаль ничего болѣе римскаго, кромѣ саламе и макарони, которые продаются на Корсо. Минута таکъ торжественна, что любой гиппопотамъ лопнуль бы отъ волненія. Торжественность эту еще болѣе усиливаетъ пани Сусловская, которая разводитъ руками и говоритъ плачевнымъ голосомъ.

— Дѣти мои! если когда-нибудь вамъ будетъ плохо на свѣтѣ, вы можете найти убѣжище здѣсь... здѣсь!

Говоря это, она указываетъ на свою грудь.

Нашла дурака! Нѣть, ужъ я не буду искать убѣжища тамъ... тамъ!... Вотъ если бы Казя сдѣлала мнѣ подобное предложеніе, тог-

да дѣло другое. Несмотря на все это, я пораженъ благородствомъ Сусловскихъ, и сердце мое преисполнено благодарностью.

Въ волненіи я выпиваю столько чашекъ кофе, что Сусловскій начинаетъ бросать беспокойные взглѣды на кофейникъ и сливки. Казя мнѣ все подливаетъ, а я стараюсь въ это время прижать ногою ея ножку подъ скатертью. Но Казя отдергиваетъ ножку, таکъ шельмовски улыбаясь, что я не понимаю, какъ у меня сердце не выскочить вонъ.

Я сижу полтора часа, но, наконецъ, долженъ удирать, потому что въ мастерской меня ждеть Бобусь, который береть у меня уроки рисованія и оставляетъ мнѣ каждый разъ билетъ съ гербовою печатью; впрочемъ, эти билеты у меня не удерживаются. Казя и мать провожаютъ меня до прихожей, за что я страшно злюсь. Я предпочиталъ бы, чтобы Казя провожала меня одна. Какія у ней губки!...

Моя дорога лежитъ черезъ садъ. Множество народа еще возвращается съ водъ... По дорогѣ я вижу, что всѣ, завидѣвъ меня, останавливаются, слышу вокругъ себя ше-

потъ: „Магурскій! Магурскій! это онъ...“ Панны, одѣтны въ разноцвѣтныя легкія матеріи, подъ которыми чудесно рисуются ихъ формы, какъ будто хотятъ сказать: „Войди! чертогъ готовъ!“ Что за чертовщина! Неужели моя слава такъ далеко распространилась? Рѣшительно ничего не понимаю.

Иду дальше; и дальше — то же самое... Въ сѣняхъ, у лѣстницы, наскакиваю на хозяина, какъ ладья на скалу. Ой! плати за квартиру!

Хозяинъ приближается и говоритъ:

— Панъ Магурскій! хотя я по временамъ надоѣдалъ вамъ, но вѣрьте, мои чувства... позвольте ужъ мнѣ попросту!

Онъ схватываетъ меня за шею и обнимаетъ. А, понимаю! Святецкій сказалъ ему, что я женюсь, а онъ думаетъ, что съ этой поры я буду аккуратно платить за квартиру. Пусть себѣ думаетъ на здоровье.

Жарю на лѣстницу. Уже по дорогѣ слышу говоръ у насъ. Вхожу. Въ мастерской темно отъ дыму. Тутъ Юлекъ Жисинскій, Вахъ Потеркевичъ, Франекъ Ценковскій, старикъ Студецкій, Карминскій, Войтекъ Михалекъ, — всѣ тормошатъ франта Бобуся, но, завидѣвъ меня, отпускаютъ его и поднимаютъ нечеловѣческій крикъ:

— Поздравляемъ! поздравляемъ! поздравляемъ!

— Качать его!

Въ одно мгновеніе они подхватываютъ меня на руки и подбрасываютъ кверху, съ воемъ, достойнымъ стаи волковъ; наконецъ, я оказываюсь на своихъ ногахъ, благодаря всѣхъ, какъ могу, и заявляю, что всѣ должны быть на моей свадьбѣ, въ особенности Святецкій, котораго я заранѣе назначаю своимъ шаферомъ.

Въ это время Святецкій поднимаетъ руку и говоритъ:

— Этотъ пузырь думаетъ, что мы его поздравляемъ съ невѣстой.

— А съ чѣмъ же вы меня поздравляете?

— Какъ? ты ничего не знаешь? — спрашиваютъ всѣ голоса.

— Ничего не знаю, какого черта вамъ отъ меня нужно?

— Дайте ему *Летучіе Листки*, утренній нумеръ *Летучихъ Листковъ*! — кричитъ Вахъ Потеркевичъ.

Мнѣ суютъ утренній нумеръ *Летучихъ Листковъ* и кричатъ наперерывъ одинъ передъ другимъ: „смотри въ телеграммахъ!“ Смотрю въ телеграммахъ и читаю слѣдующее:

„Собственная телеграмма *Летучихъ Листковъ*. Картина Магурскаго „Евреи на рѣкахъ Вавилонскихъ“ получила большую золотую медаль въ нынѣшнемъ „Салонѣ“. Альберъ Вольфъ назвалъ ее открытиемъ. Критикъ не находитъ достаточно словъ для восхваленія гenія художника. Борни Гиршъ даетъ за картину 15,000 франковъ“.

Мнѣ дурно! помогите! Я глупѣю до такой степени, что не могу ни слова вымолвить. Я зналъ, что картина удалась, но о такомъ успѣхѣ и не думалъ.

Нумеръ *Летучихъ Листковъ* выпалъ изъ моихъ рукъ.

Я поднимаю его и читаю еще въ текущихъ извѣстіяхъ слѣдующіе комментаріи къ телеграммѣ:

Извѣстіе I-е. Мы узнали отъ самого автора, что онъ намѣренъ выставить свою картину въ городѣ.

Извѣстіе II-е. На вопросъ вице-президента комитета товарищества поощренія изящныхъ искусствъ, думаетъ ли панъ Магурскій выставить свое великое произведеніе въ Варшавѣ, маэстро отвѣчалъ: „Я предпочелъ бы не продать ее въ Парижѣ, чѣмъ не выставить въ Варшавѣ!“ Мы надѣемся, что слова эти потомки будутъ читать (дай Богъ въ самомъ отдаленномъ будущемъ) на могилѣ маэстро.

Извѣстіе III-е. Мать нашего маэстро, по полученіи телеграммы изъ Парижа, тѣжко занемогла отъ волненія.

Извѣстіе IV-е. Во время печатанія этого нумера мы узнали, что матери нашего маэстро легче.

Извѣстіе V-е. Нашъ маэстро получилъ приглашеніе выставить свою картину во всѣхъ европейскихъ столицахъ.

Изобиліе такого гнуснаго вранья заставляетъ меня понемногу опомниться. Остшиньскій, редакторъ *Летучихъ Листковъ* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ех-женихъ Кази, должно быть, ошалѣлъ, потому что переходитъ всякия границы. Понятно, я выставлю картину въ Варшавѣ; но, во-первыхъ, я никому еще объ этомъ не говорилъ; во-вторыхъ, вице-президентъ товарищества поощренія изящныхъ искусствъ ни о чѣмъ меня не спрашивалъ; въ-третьихъ, я ему ничего не отвѣчалъ; въ-четвертыхъ, моя мать умерла десять лѣтъ тому назадъ; въ-пятыхъ, я не получалъ ни откуда приглашеній выставить мою картину.

Еще хуже: въ одно мгновеніе мнѣ приходить въ голову, что если телеграмма такъ же вѣрна, какъ пять извѣстій, то... Остшиньскій, который, полгода тому назадъ, несмотря на поддержку родителей, получилъ отъ Кази нось, можетъ нарочно заставить меня разыграть роль дурака, но, въ такомъ случаѣ, „онъ заплатилъ мнѣ за это головой или чѣмъ-нибудь вродѣ этого!“ — какъ говоритъ либретто одной оперы. Товарищи, однако успокаиваютъ меня, что извѣстія Остшиньскій могъ сфабриковать, но телеграмма должна быть настоящая.

Вмѣстѣ съ этимъ приходитъ Стахъ Клоссовичъ съ утреннимъ нумеромъ *Скорохода*. Телеграмма есть и въ *Скороходѣ*. Я вздыхаю свободнѣе.

Теперь начинаются поздравленія въ розницу.

Старикъ Студецкій, скотина, фальшивая до мозга костей и сладкая, какъ сахаръ, потрясаетъ мою руку и говорить:

— Боже милосердый! я всегда вѣрилъ въ вашъ геній, коллега, всегда защищалъ васъ... (я знаю, вы называли меня осломъ...) но... Боже праведный... можетъ быть, вы не хотите, чтобы такой *fa presto*, какъ я называлъ васъ, коллега, коллегой... въ такомъ случаѣ, коллега, простите мою привычку.

Въ глубинѣ души я желаю ему удавиться, но не могу ничего сказать, потому что въ эту же минуту меня отводить въ сторону Карминскій и говорить тихо, но такъ, что его всѣ слышать:

— Можетъ быть, вамъ нужны деньги?... Скажите только — и я... того...

Карминскій извѣстенъ среди нась своею готовностью помочь ближнимъ. Не проходитъ дня, чтобы онъ не сказалъ кому-нибудь изъ нась: „Если вы, коллега, нуждаетесь, то шепните мнѣ словечко, а я того... до свиданія!“ У него дѣйствительно есть деньги. Я отвѣчаю ему, что если не достану въ другомъ мѣстѣ, то обращусь къ нему. Тѣмъ временемъ подходятъ другіе, все добрые малые, и тискаютъ меня въ объятіяхъ такъ, что у меня бока начинаютъ болѣть. Наконецъ, ко мнѣ приближается Святецкій; я вижу, что онъ взволнованъ. Но Святецкій скрываетъ свое волненіе и говорить рѣзко:

— Хотя я вижу, что ты жидѣешь но, все-таки, поздравляю!

— Хотя я вижу, что ты глупѣешь, но, все-таки, благодарю! — отвѣчаю я, и мы обнимаемся изо всей силы. Вахъ Потеркевичъ заявляетъ, что у него въ горлѣ пересохло. У меня нѣтъ ни гроша, но у Святецкаго есть два рубля, у другихъ — тоже въ скромныхъ размѣрахъ. Наступаетъ складчина и — пуншъ... Пьютъ мое здоровье, качаютъ меня на рукахъ, а когда я заявляю, что дѣло съ Сусловскими налажено, пьютъ и за здоровье Кази. Тогда Святецкій подходитъ ко мнѣ и говорить:

— Ты думаешь, молодой идіотъ, что они не читали газетъ передъ тѣмъ, какъ панна написала тебѣ записку?

Ай! гнусная рожа! словно обухомъ меня въ лобъ угодилъ. Съ одной стороны кругозоръ мой значительно расширяется, съ другой — дьявольски омрачается. Отъ Сусловскихъ всего ожидать можно, но чтобы Казикъ былъ способенъ на такія соображенія...

Однако, очень правдоподобно, что утромъ они прочли телеграммы и тотчасъ же послали за мной.

Въ первую минуту я хочу летѣть къ Сусловскимъ, но не могу оставить компаній.

Приходитъ Остшинскій, элегантный, холодный, самоувѣренный, въ свѣжихъ перчаткахъ, по обыкновенію. Прожженная бестія!

Уже съ порога онъ начинаетъ покровительственно помахивать тросточкой и говорить:

— Поздравляю, маэстро, и я поздравляю.

Это я онъ произносить съ особымъ удареніемъ, какъ будто поздравленіе отъ него значить больше, чѣмъ отъ кого бы то ни было.

Очень можетъ быть, что и такъ...

— Что ты тутъ нагородилъ? — кричу я. — Какъ видишь, я только изъ *Летучихъ Листковъ* узналъ обо всемъ.

— Это меня вовсе не касается, — говорить Остшинскій.

— О выставкѣ картины я не говорилъ.

— Но теперь говоришь, — флегматически отвѣчаетъ Остшиньский.

— И матери у него нѣть! — кричитъ Войтекъ Михалекъ.

— Это мало меня интересуетъ, — съ достоинствомъ возражаетъ Остшиньский и снимаетъ другую перчатку.

— Но телеграмма-то — настоящая?

— Настоящая.

Это утверждение успокаиваетъ меня окончательно. Движимый чувствомъ благодарности, я наливаю ему пуншу. Онъ прикасается губами къ стакану, выпиваетъ глотокъ и потомъ говоритъ:

— Прежде всего, твое здоровье, а второй глотокъ я выпью... знаешь за чье?... Поздравляю тебя вдвойнѣ.

— Откуда ты это узналъ?

Остшиньский пожимаетъ плечами.

— Потому что Сусловскій былъ сегодня въ редакціи въ восьмомъ часу:

Святецкій начинаетъ что-то ворчать о человѣческой подлости вообще, я не могу больше выдерживать и хватаюсь за шляпу. Остшиньский выходитъ вмѣстѣ со мной, но я оставляю его на дорогѣ и черезъ нѣсколько минутъ во второй разъ звоню къ Сусловскимъ. Отворяетъ мнѣ дверь Казя, — отца и матери нѣть дома.

— Казикъ! — говорю я сурово, — ты знала о телеграммѣ?

— Знала, — отвѣчаетъ она спокойно.

— Ахъ, Казикъ.

— Чего же ты хочешь, мой милый? Не удивляйся папа и мама... нужень же имъ какой-нибудь уважительный поводъ, чтобы согласиться на твою просьбу.

— Но ты, Казя?

— А я воспользовалась первою возможностью... Ты ставишь мнѣ это въ вину, Владекъ?

Въ глазахъ у меня проясняется; мнѣ кажется, что Казя вполнѣ права. Собственно говоря, зачѣмъ я сюда прилетѣлъ, какъ сумасшедшій? Тѣмъ временемъ Казя приближается и кладетъ голову на мое плечо; я обнимаю ее за талію, она перегибается черезъ мою руку, закрываетъ глаза и шепчетъ:

— Нѣть, нѣть, Владекъ... не теперь... послѣ свадьбы... умоляю тебя!

Вслѣдствіе ея просьбы я крѣпко цѣлую ее. Глаза Кази покрываются какою-то дымкой. Она закрываетъ ихъ рукою и говорить:

— А я такъ просила, чтобы ты не...

Выговоръ и взглядъ изъ-подъ руки растрогиваютъ меня до такой степени, что я цѣлую ее во второй разъ. Когда кто-нибудь кого-нибудь любить, то естественно чувствуетъ большую охоту цѣловать любимое существо, чѣмъ, напримѣръ, бить его... А я люблю Казю безъ мѣры и памяти, всю жизнь, до смерти и послѣ смерти! Она или никто — и баста!

Казя задыхающимся голосомъ высказываетъ опасеніе, что я потеряю къ ней уваженіе. Дорогая дѣвочка! какія глупости она болтаетъ! Я успокаиваю ее, какъ могу, и мы начинаемъ говорить разсудительно.

Между нами составляется уговоръ, что если Сусловскіе притворятся, что о телеграммѣ узнали послѣ, то я не подамъ вида... Затѣмъ я прощаюсь съ Казей и обѣщаюсь прийти вечеромъ.

Мнѣ необходимо бѣжать въ канцелярію общества поощренія изящныхъ искусствъ: черезъ нее мнѣ легче всего войти въ сношенія съ секретаріатомъ „Салона“.

III.

Я посылаю телеграмму съ заявлениемъ, что согласенъ на цѣну барона Гирша, но передъ этимъ рѣшилъ выставить картину въ Варшавѣ etc.

На посылку телеграммы, а также и на другія потребности, занимаю деньги въ правлѣніи. Мнѣ даются безъ колебанія. Все идетъ, какъ по маслу...

Въ *Летучихъ Листкахъ* и *Скороходѣ* выходитъ моя біографія, въ которой нѣть ни слова правды, но, какъ говоритъ Остшиньскій, „это меня вовсе не касается“. Я получилъ также приглашеніе отъ двухъ иллюстрацій. Хотятъ помѣстить мой портретъ и снимокъ съ моей картины. Хорошо!

Денегъ будеть въ волю.

IV.

Недѣлю спустя я получаю задатокъ отъ барона Гирша.

Вся сумма будеть выплачена, когда собственникъ вступить въ обладаніе полотномъ,

а пока торговый банкъ вываливаетъ мнѣ на столъ пять тысячъ франковъ золотомъ. Съ роду я не видаль столько денегъ. Возвращаюсь домой нагруженный какъ муль.

Въ мастерской цѣлое собрание. Я разбрасываю свои лундоры по полу, и такъ какъ никогда не купался въ золотѣ, то начинаю купаться въ золотѣ. Послѣ меня купается Святецкій... Приходитъ хозяинъ и думаетъ, что мы помѣшались... Мы забавляемся, какъ людоѣды!

V.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Остшиньскій говорить мнѣ, что чувствуетъ себя счастливымъ вслѣдствіе несогласія Кази выйти за него замужъ, — передъ нимъ открывается перспектива, о которой я не могу имѣть ни малѣйшаго представленія.

Я очень этому радуюсь или, вѣрнѣе сказать, мнѣ это рѣшительно все равно. Притомъ я увѣренъ, что Остшиньскій съумѣть проложить себѣ дорогу въ жизни.

Когда онъ ухаживалъ за Казей, старики были на его сторонѣ, въ особенности отецъ. Вліяніе Остшиньскаго на пана Сусловскаго было такъ сильно, что этотъ римлянинъ въ его присутствіи утрачивалъ свою непоколебимую статуйность. За то Казя не терпѣла его съ первой минуты знакомства. То было какое-то безотчетное отвращеніе, ибо я увѣренъ, что онъ не поражалъ ее тѣмъ, чѣмъ поражаетъ меня и всѣхъ другихъ, знающихъ его покороче.

Это очень странный человѣкъ или, вѣрнѣе, странный писатель. Не только у насъ, но, вѣроятно, и во всѣхъ большихъ центрахъ литературы и искусства есть люди, о которыхъ мы не можемъ вспомнить безъ того, чтобы невольно не спросить себя, откуда берется ихъ важность?

Къ числу такихъ принадлежитъ мой пріятель изъ *Летучихъ Листковъ*. Кто бы повѣрилъ, что тайна значенія Остшиньскаго и смыслъ его нравственнаго существованія заключаются въ томъ, что онъ, Остшиньскій, не признаетъ и не уважаетъ талантовъ, въ особенности писательскихъ, и попросту живеть пренебреженіемъ къ нимъ?... Онъ питаетъ къ нимъ презрѣніе человѣка, которому жизненная ловкость, быстрота соображенія и большое остроуміе обезпечиваютъ вѣрную победу надъ ними въ общественной жизни.

И нужно его видѣть на сессіяхъ, на собраніяхъ художественныхъ и литературныхъ, на юбилейныхъ обѣдахъ, — съ какою снисходительною ироніей онъ трактуетъ людей, имѣющихъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ самъ Остшиньскій, какъ онъ ихъ прижимаетъ къ стѣнѣ, какъ сбиваетъ ихъ своими софизмами, своею логикой, какъ обдаетъ ихъ своею литературною важностью.

Святецкій, какъ только вспомнить о немъ, то хватается за доску отъ кровати, чтобы разбить ему голову, но меня не удивляетъ успѣхъ Остшиньскаго. Люди истинно талантливые часто бываютъ неловки, несмѣлы, ненаходчивы... Но лишь только истинный талантъ остается наединѣ самъ съ собою, у его плечъ сейчасъ же выростаютъ крылья. Остшиньскій же, въ такихъ условіяхъ, вѣроятно, ложится спать, потому что ему абсолютно не о чѣмъ бесѣдовать съ самимъ собою.

Будущее разставить всѣхъ этихъ людей въ порядкѣ, назначить каждому свое мѣсто, каждому присвоить соотвѣтственный чинъ. Остшиньскій настолько уменъ, что знаетъ это, но въ глубинѣ души смѣется надъ будущимъ. Ему достаточно, что въ настоящемъ онъ кое-что значить и что съ нимъ считаются больше, чѣмъ со многими почище его.

Мы, живописцы, меныше ему мѣшаемъ. Онъ иногда рекламируетъ и писательскіе таланты, но лишь тогда, когда этого требуютъ интересы *Летучихъ Листковъ* или конкуренція со *Скорогодами*. Въ концѣ-концовъ, онъ добрый товарищъ и милый человѣкъ. Я могу даже сказать, что люблю его, но...

Впрочемъ, ну его къ чорту, — довольно о немъ...

VII.

Меня когда-нибудь доведутъ до того, что я уйду и захлопну дверь.

Что за комедія! Съ тѣхъ поръ, какъ на меня свалилась слава и деньги, Сусловскій, вопреки моимъ предположеніямъ, обходится со мной просто презрительно... Онъ, его жена и всѣ родственники Казя обдаютъ меня холодомъ.

Однажды вечеромъ Сусловскій заявилъ, что если я думаю, что на ихъ рѣшеніе повліяла перемѣна въ моей судьбѣ, или если я допускаю, — какъ видно по моей матерѣ держать себя, — что я имѣю дѣла честь, то, несмотря на свою готовность жертвовать многимъ для счастія своего дѣтища, они не могутъ пожертвовать даже ему своимъ человѣческимъ достоинствомъ. Мамаша прибавила, что дѣтище знаетъ, гдѣ искать убѣжища. Добрая Казя выступаетъ на мою защиту, по временамъ даже съ очень большою энергией, но папа и мама не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на мои слова.

Едва я раскрою ротъ, Сусловскій закусываетъ губы, поглядываетъ на жену и киваетъ головой, какъ будто хочетъ сказать: „Я зналъ, что этимъ кончится!“ Такое пиленіе продолжается съ утра до вечера.

И подумать, что все это притворство пускается въ ходъ для того, чтобы держать меня въ сѣяхъ, что, въ сущности, они зарята на мои пятнадцать тысячъ франковъ и что имѣю породниться со мною хочется, также какъ и мнѣ съ ними, хотя соображенія наши совсѣмъ различнаго свойства.

Пора кончить!

Они довели меня до того, что по временамъ мнѣ самому представляется, будто я дѣйствительно совершилъ какую-то подлость, получивъ золотую медаль и пятнадцать тысячъ франковъ за картину.

VIII.

Подходитъ день моего обрученія.

Я купилъ хорошенько колечко въ стилѣ Louis XV, но оно не понравилось не

только Сусловскимъ, но даже и Казъ, потому что во всемъ этомъ домъ никто не имѣть понятія о настоящемъ искусствѣ.

Надъ Казей я долженъ еще долго работать, чтобы отучить ее отъ мѣщанскихъ вкусовъ, но такъ какъ она любить меня, то я не теряю надежды.

На обрученіе я не приглашалъ никого, кроме Святецкаго. Мне хотѣлось, чтобы онъ передъ этимъ побывалъ съ визитомъ у Суловскихъ, но Святецкій твердитъ одно, что будучи физическимъ и моральнымъ банкротомъ, онъ еще не сдѣлался до такой степени подлецомъ, чтобы ходить съ визитами... Подай, подѣлай съ нимъ что-нибудь!

Я заранѣе предупреждаю Суловскихъ, что мой пріятель страшный оригиналъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ геніальный живописецъ и самый лучший человѣкъ во всемъ свѣтѣ.

Суловскій, узнавъ, что мой пріятель рисуетъ „трупы“, „трупики“ и „трупища“, поднимаетъ брови и заявляетъ, что до сихъ поръ вель знакомство съ людьми порядочными, что вся его чиновничья карьера пичѣмъ не запятнана, и выражаетъ надежду, что панъ Святецкій почтительно отнесется къ обычаемъ, установленнымъ, въ его честномъ, хотя и скромномъ домѣ.

Призналось, въ этомъ отношеніи я не свободенъ отъ нѣкоторыхъ опасеній и съ утра воюю со Святецкимъ. Онъ упирается, что пойдетъ въ высокихъ сапогахъ. Я усвѣщиваю, упрашиваю, умоляю.

Наконецъ, онъ соглашается, заявляя, что, въ концѣ-концовъ, не видить резона, по которому ему не слѣдовало бы быть шутомъ. Одна бѣда: его сапоги напоминаютъ сапоги плантаторовъ средней Африки, потому что не видали ваксы съ той поры, когда ихъ принесли въ долгъ отъ сапожника. Что-жъ дѣлать?

Еще хуже, что голова Святецкаго напоминаетъ карпатскій хребетъ, покрытый буреломомъ. Съ этимъ я долженъ примириться, потому что на свѣтѣ нѣть скребницы, которой бы покорились волосы Святецкаго, но за то уговариваю его, вмѣсто блузы, въ которой онъ ходить обыкновенно, надѣть сюртукъ. Святецкій сюртукъ надѣваетъ съ миною одного изъ своихъ „трупищ“ и впадаетъ въ мрачное настроеніе духа.

На улицѣ прохожіе оглядываются на его суковатую дубину и огромную дырявую шляпу, но къ этому я уже привыкъ.

Мы звонимъ и входимъ.

Въ прихожей до насть доходитъ голосъ кузена Ячковича, скорбящаго надъ непомѣрномъ ростомъ населенія. Кузенъ Ячковичъ всегда толкуетъ о непомѣрномъ ростѣ населенія, — это его конекъ. Казя словно облачко въ волнахъ кисеи. Суловскій во фракѣ, родственники во фракахъ, старыя тетки въ шелковыхъ платьяхъ.

Появленіе Святецкаго производить сенсацію. Всѣ оглядываются его съ нѣкоторымъ беспокойствомъ... Онъ угрюмо осматривается вокругъ и заявляетъ Суловскому, что навѣрное не сталъ бы надѣдать ему своимъ присутствіемъ, еслибъ не свадьба Владека „или что-то въ этомъ родѣ“...

Это „что-то“ принимается вѣми какъ нельзя хуже. Суловскій съ достоинствомъ

выпрямляется и спрашиваетъ, что панъ Святецкій подразумѣваетъ подъ „чѣмъ-то вродѣ этого“?... Панъ Святецкій отвѣчаетъ, что ему все равно, но что для Владека онъ готовъ даже расшаркиваться и присѣдать, въ особенности, еслибъ зналъ, что пану Сусловскому это можетъ доставить удовольствіе... Мой будущій тесть посматриваетъ на жену, на меня и на Казю взоромъ, въ которомъ изумленіе смѣшивается съ негодованіемъ.

Къ счастью, я выхожу изъ неловкаго положенія и съ рѣдкимъ для меня присутствіемъ духа прошу будущаго тестя представить меня тѣмъ родственникамъ, которыхъ я еще не имѣю чести знать.

Происходить представленіе, затѣмъ мы садимся.

Казя усаживается около меня и оставляетъ свою руку въ моихъ рукахъ. Въ комнатѣ много народа, но всѣ молчатъ и не двигаются. Атмосфера становится тяжелою.

Кузень Ячковичъ возвращается къ вопросу о непомѣрномъ ростѣ населенія. Мой Святецкій смотритъ подъ столъ. Въ тишинѣ все громче раздается голосъ Ячковича (у него нѣтъ передняго зуба, а потому онъ всегда издаетъ протяжный свистъ при выговорѣ буквы *и*).

— Изъ этого для Европы могутъ выйти ужасныя несчастія, — говоритъ Ячковичъ.

— Эмиграція... — вставляетъ кто-то сбоку.

— Статистика показываетъ, что эмиграція не въ состояніи бороться съ непомѣрнымъ ростомъ населенія.

Вдругъ Святецкій поднимаетъ голову и смотритъ своими рыбыми глазами на говорящаго.

— Тогда нужно у насъ ввести китайскіе обычай, — говоритъ онъ могильнымъ басомъ.

— Позвольте... какъ это... китайскіе обычай?

— Въ Китаѣ родители имѣютъ право душить слабыхъ дѣтей, — ну, такъ вотъ нужно, чтобы у насъ дѣти имѣли право душить слабыхъ родителей.

Свершилось! Громъ грянулъ, диванъ застоналъ подъ тетками, а я пропалъ. Сусловскій закрываетъ глаза и на нѣкоторое время теряетъ даръ слова.

Молчаніе.

Потомъ раздается дрожацій отъ негодованія голосъ моего будущаго тестя:

— Милостивый государь, надѣюсь, какъ христіанинъ...

— Почему я непремѣнно долженъ быть христіаниномъ? — перебиваетъ Святецкій, угрожающе покачивая головой.

Другой громовой ударъ! Диванъ съ тетками начинаетъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ, вотъ-вотъ полетѣть въ пропасть... Я также чувствую, что земля подо мною разступается.

Все пропало, всѣ надежды разсѣялись, какъ дымъ!

Вдругъ раздается звучный, какъ колокольчикъ, смѣхъ Кази, за ней начинаетъ смѣяться, самъ не зная чemu, Ячковичъ, за Ячковичемъ начинаю смѣяться, тоже самъ не зная чemu, и я.

— Папа! — восклицаетъ Казя, — Владиславъ предупреждалъ васъ, что панъ Святецкій оригиналъ. Панъ Святецкій шутить. Его мать еща жива, и онъ очень любить ее.

Смѣхъ Кази отвлекаетъ общее вниманіе. Появляется слуга съ виномъ и пирожнымъ. Это тотъ самый сторожъ, который стащилъ мою послѣднюю трехрублевку, но теперь его нарядили во фракъ и онъ выступаетъ важно, какъ настоящій лакей. Глаза его устремлены на поднось, хрусталь дребезжитъ, а сторожъ подвигается такъ медленно, какъ будто несетъ сосудъ полный до краевъ. Я начинаю опасаться, какъ бы онъ не уронилъ поднось на полъ; къ счастію, мои опасенія не осуществляются...

Рюмки наполняются. Мы приступаемъ къ акту обрученія.

Малолѣтняя кузина держитъ фарфоровую тарелку, на которой лежатъ два кольца. Отъ любопытства глаза ея готовы выскочить и вся церемонія, видимо, доставляетъ ей такое наслажденіе, что она даже подпрыгиваетъ съ тарелкой и кольцами. Сусловскій встаетъ, всѣ встаютъ, слышенъ стукъ отодвигаемыхъ стульевъ.

Настаетъ тишина. Я слышу, какъ одна матрона шепотомъ передаетъ другой замѣчаніе, что мое кольцо какъ будто бы „получше“. Несмотря на это замѣчаніе, настроеніе такое торжественное, что мухи на лету падаютъ мертвыми.

Сусловскій начинаетъ говорить:

— Дѣти мои, примите благословеніе родителей.

Казя становится на колѣни; я тоже становлюсь на колѣни.

Какую, должно быть, теперь рожу скорчилъ Святецкій, — Господи, какую рожу.

Но я не смѣю на него смотрѣть. Я гляжу на кисейное платье Кази, которое на полиняломъ красномъ коврѣ образуетъ красивое пятно. Руки Суловскаго и пани Суловской опускаются на наши головы, послѣ чего мой будущій тестъ говоритъ:

— Дочь моя! ты имѣла возможность пользоваться лучшимъ примѣромъ, чѣмъ должна быть добрая жена для мужа; мнѣ нѣть надобности говорить о твоихъ будущихъ обязанностяхъ, — потомъ, современемъ, тебя научить мужъ (надѣюсь!)... Но я обращаюсь къ вамъ, панъ Владиславъ...

Тутъ слѣдуетъ рѣчь, во время которой я насчитываю до ста и начинаю считать вновь съ единицы. Суловскій гражданинъ, Суловскій чиновникъ, Суловскій отецъ, Суловскій римлянинъ обладаетъ великою способностью выставлять на видъ все величіе своей души... Слова: дитя, родители, обязанности, будущность, благословеніе, терпія, чистая совѣсть — жужжатъ около моихъ ушей, какъ рой осъ, облѣпляютъ мою голову, жалить въ лобъ, въ затылокъ.

Вѣроятно, галстукъ мой повязанъ черезъ-чуръ туго, потому что мнѣ становится трудно дышать. Я слышу рыданія пани Сусловской, и мнѣ становится жалко бѣдную женщину, слышу, какъ кольца брянчать на тарелкѣ въ рукахъ попрыгуньи кузины. Господи, Господи! какую теперь рожу скорчилъ Святецкій!

Наконецъ, мы встаемъ. Кузина суетъ мнѣ тарелку подъ носъ. Мы обмѣниваемся съ Казей кольцами.

Ура! И такъ, мы обручены! Я думалъ, что это конецъ, но нѣть: Сусловскій посыаетъ насъ просить благословенія у всѣхъ тетокъ.

Мы идемъ. Я цѣлую подрядъ пять рукъ, скорѣе похожихъ на лапы аиста... Всѣ тетки надѣются, что я не обману ихъ надеждъ.

Какая, къ чорту, надежды онъ могутъ возлагать на меня? Кузенъ Ячковичъ заключаетъ меня въ объятія. Несомнѣнно, галстукъ у меня повязанъ черезъ-чуръ туго.

Но, какъ бы то ни было, самая тяжелая минута миновала. Смеркается. Приносить чай.

Я сижу около Кази и притворяюсь, что не вижу Святецкаго. Это животное еще разъ повергаетъ меня въ тревогу, когда на вопросъ, не想要 ли онъ подлить себѣ въ чай немного араку, отвѣчаетъ, что аракъ пить только бутылками. Впрочемъ, вечеръ оканчивается благополучно.

Мы выходимъ со Святецкимъ молча. Это молчаніе мало-по-малу начинаетъ меня тяготить и подъ конецъ становится невыносимымъ. Я чувствую, что надо заговорить со Святецкимъ, сказать что-нибудь о моемъ счастьѣ, о томъ, какъ все хорошо прошло и какъ я люблю Казю... Я собираюсь съ духомъ, — нѣть, чортъ возьми, не выходитъ! Наконецъ, уже у самой мастерской я говорю:

— Признайся, Святецкій, что въ жизни бываютъ и хорошия минуты.

Святецкій останавливается, бросаетъ на меня взоръ изподлобья и отвѣчаетъ:

— Дуракъ!

Въ этотъ вечеръ мы ничего больше не говорили другъ съ другомъ.

VIII.

Спустя недѣлю послѣ обрученія мои „жиды“ пришли на выставку.

Картины помѣстили въ отдѣльную комнату; комитетъ назначилъ особую плату за входъ. Половина чистаго дохода идетъ въ мою пользу.

На выставкѣ толкотня съ утра до вечера.

Я былъ только одинъ разъ, но такъ какъ на меня самого смотрѣли больше, чѣмъ на картину, то больше не пойду, потому что это начинаетъ меня злить.

Будь моя картина чудомъ, котораго до сихъ поръ не бывало на свѣтѣ, публика, все-таки, охотнѣе пойдетъ смотрѣть на „крао“ или готтентота, пожирающаго живыхъ голубей.

Такимъ готтентотомъ въ настоящую минуту являюсь я... Я быль бы очень доволенъ этимъ, еслибъ дѣйствительно быль дуракомъ, какъ утверждаетъ Святецкій. Но я настолько художникъ, что не могу не злиться при видѣ униженія искусства въ пользу моей собственной персоны...

IX.

Три недѣли тому назадъ обо мнѣ едва ли кто слышалъ, а теперь я начинаю получать десятки писемъ, по большей части любовныхъ. Изъ пяти — четыре непремѣнно начинаются словами: „прочти это письмо, вы, вѣроятно, съ презрѣніемъ отвернетесь отъ женщины, которая“ etc. Я не отвернусь съ презрѣніемъ отъ этой женщины, съ условіемъ, чтобы она оставила меня въ покоѣ.

Еслибъ не Казя, то, говоря по совѣсти, я, можетъ быть, не пожималъ бы такъ плечами при видѣ этого потока чувствъ.

Главное, меня занимаетъ, какъ можетъ „незнакомая особа“ разсчитывать, чтобъ мужчина, который не видалъ ее ни разу въ жизни, отвѣтилъ на ея возвзваніе. Приподними маску, о, прекрасная незнакомка! о, только когда я увижу тебя, то скажу... Ой-ой! ничего не скажу, а то Казя...

Я получилъ отъ какой-то сѣдовласой доброжелательницы письмо, въ которомъ я именуюсь творцомъ, а Казя — гусыней.

„Жена ли она для васъ? (спрашиваетъ мой сѣдовласый другъ). Выборъ этотъ достоинъ ли того, на котораго обращены глаза всего свѣта? Вы жертва интриги“ и т. д.

Странное предположеніе и еще болѣе странное требование, чтобы я женился не по вѣльнію сердца, а для удовлетворенія общественнаго мнѣнія.

Бѣдная Казя! Чѣмъ она имъ помѣшала?

Вѣроятно, нѣкоторыя преступленія приносятъ больший вредъ, чѣмъ анонимныя письма, но никто не доставляетъ болѣшаго.... какъ бы это получше сказать? Ну, да все равно!

День нашей свадьбы еще не назначенъ, но онъ скоро наступить.

Тѣмъ временемъ я приказываю Казѣ получше принарядиться и веду ее на выставку.

Пусть нась видѣть вмѣстѣ...

Пришли изъ Парижа и два „трупища“ Святецкаго.

Картина называется „Послѣдняя встреча“ и представляетъ молодаго человѣка и молодую дѣвушку, лежащихъ на операционномъ столѣ. Мысль художника при первомъ взглядѣ видна совершенно ясно. Видно, что двое умершихъ любили другъ друга при жизни, что ихъ разлучила бѣдность и соединила смерть.

Студенты, склонившіеся надъ трупами, вышли нѣсколько деревянными, въ перспективѣ операционной залы замѣчаются нѣкоторые недостатки, за то „трупища“ вырисованы великодѣльно, — такие трупы, что отъ нихъ даже холodomъ вѣтъ. Въ „Салонѣ“

картина не имѣла никакого успѣха, можетъ быть, потому, что труны, дѣйствительно, отвратительны, но критика ее хвалила.

Среди нашей „маларіи“, несомнѣнно, много талантовъ. Напримѣръ, возлѣ трупища Святецкаго Франекъ Ценковскій выставилъ „Смерть Кордецкаго“. Огромная сила и огромный индивидуализмъ! Святецкій называетъ Франка идіотомъ, во первыхъ, потому, что Ценковскій носить чолку и бороду клинушкомъ, во-вторыхъ, одѣвается по послѣдней модѣ и, въ-третьихъ, онъ хорошо воспитанъ, церемоненъ и очень часто вспоминаетъ о своихъ высокопоставленныхъ родственникахъ.

Но Святецкій ошибается...

Талантъ — это птица, которая гнѣздится, гдѣ ей понравится, иногда въ глухомъ лѣсу, иногда въ подстриженномъ паркѣ.

Въ Мюнхенѣ и Парижѣ я видалъ такихъ художниковъ, которые походили на сапожныхъ подмастерій или, наоборотъ, на парикмахеровъ, на франтовъ дурнаго тона. Трехъ копѣекъ бы не даль за нихъ, между тѣмъ какъ въ душѣ и у той, и у другой бестіи живетъ такая экзальтациѣ, такое пониманіе образовъ и красокъ и способность переносить все это на полотно! Остшиньскій, у котораго на всякий случай есть какое-нибудь истрапанное выраженіе, еслибъ писать объ этомъ, то сказалъ бы въ своихъ *Летучихъ Листкахъ*: „spiritus flat ubi vult!“.

По мнѣнію Святецкаго, историческая живопись — „невозможное варварство“. Онъ не рисуетъ историческихъ вѣщей и для меня это все равно, но я слышу, что подобное мнѣніе въ разныхъ бружкахъ начинаетъ считаться либеральнымъ. Это мнѣ начинаетъ надоѣдать.

У нашихъ художниковъ, у поляковъ, одинъ недостатокъ: они вступаютъ въ брачный союзъ съ какими-то доктринаами объ искусствѣ, а потомъ и живутъ подъ ихъ башмакомъ, на все смотрятъ ихъ глазами, напяливаютъ на нихъ искусство и лучше проповѣдуютъ, чѣмъ рисуютъ. Въ противоположность тому, что я сказалъ выше, мнѣ приходилось сталкиваться и съ такими художниками, которые языки себѣ поотрепали въ спорахъ о томъ, что такое искусство и какимъ оно должно быть, а какъ пришлось взяться за кисть, то и оказалось, что дѣло плохо.

Я не разъ думалъ, что теоріи искусства должны выдумывать философы, и если выдумаютъ плохую, пусть за нее сами и отвѣчаютъ, а художники должны рисовать то, что сердце подсказываетъ, и умъ рисовать, ибо это — самое главное... По моему мнѣнію, наиничтожнѣйшій талантъ стбить дороже великолѣпнѣйшей доктрины, а наивеликолѣпнѣйшая доктрина недостойна чистить башмаки свободѣ.

X.

Мы были съ Казей и Сусловскими на выставкѣ.

Передъ мою картиной постоянно толпа.

При нащемъ входѣ всѣ начинаютъ шептаться, причемъ больше смотрѣть не на

картину и не на меня, а на Казю. Я замѣтилъ, что она была нескованно довольна общимъ вниманіемъ, но не ставилъ ей этого въ вину. Вотъ это нехорошо, что она назвала картину Святецкаго „неприличной“. Сусловскій заявилъ, что она предвосхитила его мысль, но я пришелъ въ бѣшенство: неужели у Кази такое воззрѣніе на искусство?

Со злостью я простился съ ними тотчасъ же, и подъ предлогомъ, что мнѣ нужно видѣться съ Остшиньскимъ, я дѣйствительно пошелъ къ нему, но за тѣмъ, чтобы утащить его обѣдать.

XL.

Что я видѣлъ, что я видѣлъ!

Только теперь я понялъ, на что человѣку даны глаза.

Corpo di Bacco! что за красота!

Идемъ мы съ Остшиньскимъ. Вдругъ, смотрю: на углу Вежбовой мимо настъ проходитъ какая-то женщина. Я останавливаюсь, какъ вкопанный, деревенью, каменю, тараща глаза, теряю чувство, безсознательно хватаю Остшиньского за галстукъ, развязываю галстукъ Остшиньского и... спасите... погибаю!

Что за дѣло что у ней прелестная черты... Не черты! но это просто мечта художника! чудо, какъ рисунокъ, чудо, какъ колоритъ, чудо, какъ замыселъ! Грѣзъ воскресъ бы изъ мертвыхъ при видѣ ея, а потомъ удавился бы съ горя, что рисовалъ такихъ уродинъ.

Смотрю, смотрю... Идетъ одна... впрочемъ, вздоръ, идетъ съ ней поэзія, идетъ музыка, идетъ весна, идетъ наслажденіе и любовь. Не знаю, захотѣлъ ли бы я ее рисовать тотчасъ же; мнѣ хотѣлось бы упасть передъ нею на колѣни, целовать ея ноги за то, что она родилась такою. Однимъ словомъ, я и самъ не знаю, чего бы мнѣ хотѣлось!...

Она прошла мимо настъ, ясная, какъ весеній день. Остшиньскій кланяется ей, но она его не видитъ... Я пробуждаюсь отъ очарованія и кричу:

— Пойдемъ за ней!

— Нѣть,— отвѣчаетъ Остшиньскій,— ты съ ума сопѣль, что ли? Мнѣ нужно завязать галстукъ. Оставь меня въ покоѣ. Это моя знакомая.

— Твоя знакомая? Представь меня!

— И не подумаю... охаживый вокругъ своей невѣсты.

Я проклинаю Остшиньского и его потомство вплоть до девятаго поколѣнія, за-тѣмъ хочу летѣть за незнакомкой. Къ несчастью, она садится въ пролетку.

Я только издали вижу ея соломенную шляпу и красивый зонтикъ.

— Ты дѣйствительно ее знаешь? — спрашиваю я Остшиньского.

— Я всѣхъ знаю.

— Кто она?

— Пани Елена Колчановская, урожденная Турко, иначе называемая вдова-дѣвица.

— Почему вдова-дѣвица?

— Потому что ея мужъ умеръ за свадебнымъ ужиномъ. Если ты остылъ, то я расскажу тебѣ ея исторію. Жиль-былъ очень богатый бездѣтный холостякъ Колчановский изъ Колчанова, украинскій помѣщикъ. У него была огромная куча родственниковъ, которая разсчитывала получить его наслѣдство, и очень короткая шея, которая сильно поддерживала надежды наследниковъ. Я зналъ этихъ наследниковъ. Это были порядочные, даже очень порядочные люди, но — что-же дѣлать? — самые лучшіе, наименѣе безкорыстные изъ нихъ не могли воздержаться и не смотрѣть на шею Колчановского. Въ концѣ-концовъ, это старику до такой степени наскучило, что на зло родственникамъ онъ сдѣлалъ предложеніе дочери сосѣда, завѣщающей въ ея пользу все свое состояніе и женился. Послѣ свадьбы былъ балъ, послѣ бала — ужинъ, а въ концѣ ужина новобрачного хватилъ ударъ... Такимъ образомъ, пани Елена сдѣлалась вдовой-дѣвицей... понимаешь?

— Давно это было?

— Три года тому назадъ. Тогда ей шелъ двадцать второй годъ... Съ этихъ порь она могла бы двадцать два раза выйти замужъ, но не хочетъ... Говорить, что она ждетъ какого-нибудь князя. Оказалось, что и это невѣрно, потому что она недавно патинула носъ одному князю. Наконецъ, я знаю, что она нисколько не возгордилась. Доказательство: она до сихъ порь живеть въ тѣсной дружбѣ съ нашимъ знаменитою, симпатичною, талантливою etc. Евой Адами, съ которой когда-то училась вмѣстѣ въ одномъ пансионѣ.

Услыхавъ это, я подпрыгнулъ отъ радости.

Если такъ, то плевать мнѣ на Остшиньского. Моя милая, добрая Ева гораздо лучше устроить мое знакомство съ пани Еленой Колчановской.

— Слушай, такъ ты не хочешь познакомить меня съ ней? — спрашиваю я Остшиньского.

— Если кто-нибудь хочетъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь, то рано или поздно познакомится, — отвѣчаетъ Остшиньский, — но такъ какъ ты отбилъ у меня Казю, то я не хочу, чтобъ обо мнѣ говорили, будто я совратилъ тебя съ пути истиннаго... До свиданія!..

XII.

Въ тотъ день я долженъ былъ обѣдать у Сусловскихъ, но написаль, что не буду. Зубы у меня не болѣли ни разу въ жизни, но могли же когда-нибудь разболѣться?

Елена не выходила изъ моей головы цѣлый день, да и что я былъ бы за художникъ, еслибъ не думаль о такомъ лицѣ?

Я нарисовалъ въ душѣ десятокъ ея портретовъ. Пришла мнѣ въ голову идея одной картины, въ которой такое лицо, какъ у Елены, произвело бы огромное впечатлѣніе. Мнѣ нужно было видѣть ее еще раза два, три.

Лечу къ Евѣ Адами, но не застала ее дома. Вечеромъ получаю письмо отъ Кази съ приглашеніемъ пожаловать утромъ въ садъ на воды, а потомъ на кофе. Чистая мука съ этими водами и съ этимъ кофе!

Я не могу идти, потому что если Еву не застанешь дома утромъ, то не поймаешь цѣлый день...

XIII.

Ева Адами (это ея театральное имя; на самомъ дѣлѣ она называется Анна Единская) — исключительная дѣвушка.

Я живу съ ней давно въ дружбѣ; говоримъ мы другъ другу „ты“.

Вотъ уже девять лѣтъ, какъ она пошла на сцену, но осталась чистой въ полномъ значеніи этого слова. Въ театрахъ находится значительное количество лирически-певинныхъ женщинъ; но если бы ихъ корсеты когда-нибудь выдали тайныя желанія своихъ обладательницъ, то даже самый безстыднѣйшій павіянъ покраснѣлъ бы отъ стыда. Театръ губить душу, въ особенности душу женщинъ.

Трудно требовать, чтобы въ женщинѣ, которая каждый вечеръ изображаетъ любовь, вѣрность, благородство, скромность и т. п., не выработалось бы, въ концѣ-концовъ, инстинктивнаго понятія, что всѣ эти добродѣтели, такъ сказать, показнаго свойства, принадлежности драматического и актерскаго искусства, и не имѣютъ ни малѣйшей связи съ жизнью. Огромная разница между искусствомъ и дѣйствительной жизнью еще болѣе утверждается ее въ этомъ положеніи; соперничество и борьба за лишній аплодисментъ, за лишній вызовъ отравляютъ всѣ хорошия порывы сердца.

Постоянное столкновеніе съ такими развращенными людьми, какъ актеры, скоро въ конецъ портить женщину. Нѣтъ такой бѣлой ангorskой кошки, которая не загрязнилась бы въ подобныхъ условіяхъ. Преобразить ихъ можетъ только гигантскій талантъ, который очищаетъ себя въ огнѣ искусства, или натура настолько естетичная, что зло не проникаетъ въ нее, какъ вода не протекаетъ сквозь перья лебедя. Къ числу такихъ натуръ „imperméable“ принадлежитъ Ева Адами.

По ночамъ, за чаемъ и трубкой, мы часто толковали о людяхъ, принадлежащихъ

къ воинству искусства, начиная отъ высшей категоріи, т. е. отъ поэтовъ, и кончая низшей, т. е. актерами.

Существо, воображеніе которого развито сильнѣй, чѣмъ у остальныхъ смертныхъ, существо, болѣе проницательное, впечатлительное, порывистое, чѣмъ другое, существо которое въ предѣлахъ счастья и наслажденія знаетъ все и жаждетъ всего съ ненасытимою силой, — вотъ что такое актеръ.

Ему нужно обладать втрое болѣею силой воли и характера, чтобы отталкивать отъ себя искушеніе.

Но такъ какъ нѣтъ причины, по которой бы цвѣтокъ, болѣе красивый, чѣмъ другое, обладалъ бы болѣею силой сопротивленія вѣтру, то нѣтъ и причины, по которой бы актеръ обладалъ болѣею силой воли и характера, чѣмъ всякий другой человѣкъ.

Наоборотъ, есть основанія предполагать, что этой силы у него менѣе, — эта жизненная сила гибнетъ въ той пропасти и той борьбѣ, которая отдѣляютъ міръ искусства отъ міра обыденной дѣйствительности. Актеръ — попросту больная птица, страдающая вѣчною горячкой, птица, которая то исчезаетъ изъ глазъ въ лазурной синевѣ неба, то влечитъ свои измученные крылья по кучамъ сора и пыли. Отсюда столь частое разногласіе между внутреннею и вѣнчаною жизнью актеровъ.

Свѣтъ, когда онъ требуетъ отъ нихъ большаго, чѣмъ отъ другихъ, когда осуждаетъ ихъ, можетъ быть, правъ, но и Христосъ будетъ справедливъ, если оправдаетъ ихъ...

Остшиньскій утверждаетъ, что актеры столько же принадлежать къ артистическому міру, сколько кларнеты, волторны и т. п., но это неправда.

Наилучшее доказательство — Ева Адами: она до корней волосъ актриса — и по таланту, и по тому эстетическому чутью, которое, какъ мать, сохранило ее чистой отъ всего злого.

Несмотря на мою любовь къ Евѣ, я не видаль ее давно. Она очень обрадовалась мнѣ и лицо ея приняло какое-то странное, непонятное для меня выраженіе.

— Какъ поживаешь, Владекъ? Наконецъ-то я тебя увидала.

Я былъ радъ, что засталъ ее дома.

На Евѣ было турецкое утреннее платье, — красные листья на молочномъ фонѣ, съ широкою обшивкою *veil or* и съ разрѣзными рукавами. Отдѣлка въ особенности хорошо оттѣняла ея блѣдное лицо и голубые глаза. Я сказалъ ей это (она осталась очень довольна) и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— *Diva mia!* ты знаешь пани Колчановскую?

— Знаю; она моя подруга по пансіону.

— Повези меня къ ней.

Ева начинаетъ покачивать головкой.

— Милая моя, дорогая, если ты меня хоть немного любишь!

— Нѣть, Владекъ, я не повезу тебя...

— Видишь, какая ты недобрая. А я разъ чутъ не влюбился въ тебя!

Что за странное существо эта Ева?

Услыхавъ мои слова, она вся мѣняется, облокачивается на столъ (чудо, не ложь!), подпираетъ ладонью свое блѣдное лицо и спрашиваетъ:

— Когда это было?

Хотя мнѣ нужно поговорить обѣ Еленѣ, но такъ какъ разъ я дѣйствительно чутъ не влюбился въ Еву, и такъ какъ теперь мнѣ хочется привести ее въ хорошее расположение духа, то я и начинаю свой разсказъ.

— Дѣло было такъ. Послѣ театра мы пошли какъ-то въ ботаническій садъ. Помнишь, какая была чудная ночь? Мы сидѣли на лавкѣ около бассейна, — ты сказала, что хочешь слушать соловья. Мнѣ было что-то грустно, я снялъ шляпу, у меня болѣла голова, а ты подошла къ бассейну, намочила платокъ и положила его вмѣсть съ своею рукой мнѣ на лобъ. Ты показалась мнѣ въ то время доброй какъ ангель, и я подумалъ: „если я возьму эту руку и приложу ее къ своимъ губамъ, то все пропало... влюблюсь на смерть...“

Ну, и что-жъ? — тихо спрашиваетъ Ева.

— Вдругъ ты быстро отодвинулась отъ меня, какъ будто догадалась, въ чёмъ дѣло.

Ева на нѣсколько минутъ впадаетъ въ задумчивость, потомъ пробуждается отъ нея и говоритъ:

— Пожалуйста, не будемъ говорить обѣ этомъ.

— Хорошо, не будемъ говорить обѣ этомъ... Ты знаешь, Ева, что я тебя люблю настолько сильно, чтобы никогда не влюбиться. Одно исключаетъ другое. Съ минуты, когда я узналъ тебя, я почувствовалъ къ тебѣ искреннюю и горячую привязанность.

— Но, — говоритъ Ева, какъ будто безсознательно слѣдя за потокомъ своихъ мыслей, — правда ли, что ты женишься?

— Правда.

— Что же ты не сказалъ мнѣ обѣ этомъ?

— Потому что сватовство мое все разстроивалось и наладилось только недавно. Но если ты мнѣ скажешь, что мнѣ, какъ жениху, не слѣдуетъ знакомиться съ пани Еленой, я тебѣ говорю заранѣе, что я былъ художникомъ, прежде чѣмъ стать женихомъ. Вѣдь ты за нее не боишься?

— И не воображай себѣ этого. Я не повезу тебя къ ней потому, что не хочу отдавать ее во власть сплетнямъ. Говорять, что въ нѣсколько недѣль поль-Варшавы влюбилось въ тебя; о твоихъ успѣхахъ ходятъ баснословные слухи. Не дальше какъ вчера, я слышала, что изъ всѣхъ десяти заповѣдей ты составилъ себѣ одну... знаешь, какую?

— Какую?

— „Не пожелай себѣ жены ближняго своего понапрасну“...

— Ты, Боже, видишь мою невинность! Но острота хороша.

— И вѣрна, конечно?

— Слушай, Ева: хочешь знать всю правду? Я всегда былъ несмѣль, неловокъ, не имѣль и не имѣю успѣха у женщинъ. Люди выдумываютъ Богъ знаетъ что, а ты и не догадываешься, сколько правды было въ моемъ воскликаніи: „Боже, Ты видишь мою невинность!“

— Povero maestro!

— Оставь въ покоѣ итальянскій языкъ... повезешь ты меня къ пани Колчановской?

— Не могу, милый Владекъ... Чѣмъ больше ты слывешь за Донъ-Жуана, тѣмъ меньше прилично мнѣ, актрисѣ, везти тебя въ домъ такой одинокой и обращающей на себя всеобщее вниманіе женщины, какъ Елена.

— Тогда почему же ты меня принимаешь?

— Я — дѣло другое. Я актриса и могу примѣнить къ себѣ слова Шекспира: „хотя бы ты была чище слезы, бѣлѣ снѣга, ты не уйдешь отъ злословія“.

— Ей-Богу, тутъ есть отъ чего съ ума сойти! Всякій можетъ знать ее, бывать у ней, можетъ смотрѣть на нее, только не я! Да почему же, почему? Потому, что я написалъ недурную картицу и получилъ кое-какую извѣстность?

— Съ своей точки зрењія ты правъ, — говоритъ Ева и улыбается. — Ты и не догадываешься, что я заранѣе знала, зачѣмъ ты ко мнѣ придешь. У меня былъ Остшинскій и уговаривалъ, что „лучше“, еслибъ я не возила тебя къ Еленѣ.

— Гм... понимаю... И ты пообѣщала?

— Не пообѣщала, — напротивъ, я разсердилась даже. Но, всетаки, я думаю, что „лучше“ мнѣ не представлять тебя... Поговоримъ о твоей картинѣ.

— Оставь въ покоѣ мою картину... Ну, коли такъ, то хорошо! Увѣряю тебя, что въ теченіе трехъ дней я познакомлюсь съ пани Колчановской, хотя бы мнѣ для этого пришлось перерядиться въ чужое платье.

— Нарядись садовникомъ и принеси ей букетъ отъ Остшинскаго.

Но мнѣ въ голову приходитъ мысль, которая кажется мнѣ такою великолѣпною, что я ударяю себя по лбу и забываю весь свой гнѣвъ на Еву.

— Дай слово, что ты меня не выдашь?

— Даю, — говоритъ донельзя заинтересованная Ева.

— Узнай же, что я наряжусь дѣдомъ-гусляромъ. Костюмъ и гусли у меня есть, на Украинѣ я бываль и пѣсни пѣть умѣю... Пани Колчановская — украинка, поэтому непремѣнно примѣтъ меня... понимаешь теперь?

— Какая оригинальная выдумка! — говоритъ Ева.

Она настолько артистка, что эта выдумка не можетъ не нравиться ей. Наконецъ, она даетъ слово, что не выдастъ меня, и дѣло кончено.

— Какая оригинальная выдумка! — повторяет она. — Елена такъ любить свою Украину, что, навѣрно, расплачется, когда здѣсь, въ Варшавѣ, увидеть гусляра... Но что ты ей скажешь, какъ объяснишь свое появление на берегахъ Вислы?

Невольно мой энтузіазмъ сообщается и Евѣ.

Немнога спустя мы садимся и начинаемъ вдвоемъ обдумывать заговоръ.

Междѣ нами заключается такое условіе: я переряжаюсь, и Ева пріѣзжаетъ за мной въ своей каретѣ, чтобы не привлекать на себя вниманія праздношатающихся дураковъ. Пани Елена не должна знать ни о чёмъ, пока Ева сама современемъ не откроетъ ей тайны.

Мы съ Евой развиваемъ нашъ планъ въ подробностяхъ. Потомъ я цѣлую ея ручки, потомъ она оставляетъ меня обѣдать.

Вечеръ я провожу у Сусловскихъ.

Казя немнога сердита, что я не былъ утромъ, но я съ ангельскимъ терпѣніемъ сношу ея капризы, причемъ думаю о завтрашней экспедиціи и... о Еленѣ.

XIV.

Однинадцать часовъ утра...

Евы что-то не видно.

На мнѣ посконная рубаха съ разстегнутою грудью, поношенная свита, поясъ, сапоги, — все, что нужно.

Космы сѣраго парика спадаютъ мнѣ на глаза, и хитеръ бы былъ бы тотъ, кто бы догадался, что это парикъ; моя борода — чудо искусства и терпѣнія. Съ восьми часовъ утра я вклевывалъ въ свои волосы клочки бѣлыхъ волосъ, — я посѣдѣлъ такъ, что и подъ старость не посѣдѣю болѣе естественно... Разведенная сепія придала мнѣ смуглость, а морщины Святецкій вырисовалъ просто геніально. Я кажусь семидесятилѣтнимъ старикомъ.

Святецкій утверждаетъ, что мнѣ нужно не рисовать, а быть натурщикомъ: во всякомъ случаѣ, это принесло бы искусству больше пользы.

Половина двѣнадцатаго... Ева подѣзжаетъ.

Я посылаю въ коляску узелокъ съ моимъ обыкновеннымъ костюмомъ, потому что не знаю, не придется ли мнѣ переодѣваться, затѣмъ беру гусли, схожу и у дверей восклицаю:

— Пошли, Господи!

Ева удивлена и въ полномъ восторгѣ.

— Чудесный пасѣчникъ! Чудесный дѣдъ! — повторяетъ она и смеется. — Только артисту могло придти въ голову что-нибудь подобное!

Говоря между прочимъ, она сама напоминаетъ лѣтнее утро. На ней платье изъ суроаго шелка и соломенная шляпка съ цветами мака. Я не могу наглядѣться на

нее. Она пріѣхала въ открытой коляскѣ; нась начинаютъ окружать зѣваки, но Ева не обращаеть ни на кого вниманія.

Наконецъ, коляска трогается; мое сердце начинаетъ ускоренно биться, — черезъ четверть часа я увижу Елену...

Не отѣхали мы и ста шаговъ, какъ я увидалъ идущаго намъ на встрѣчу Остшиньского.

Этого человѣка рѣшительно вездѣ можно встрѣтить!

Увидавъ нась, онъ кланяется Евѣ, потомъ начинаетъ внимательно разматривать нась, въ особенности меня... Я не допускаю, чтобы Остшиньскій узналъ меня, но, все-таки, оглядываюсь назадъ и вижу, что онъ стоить на томъ же мѣстѣ и провожаетъ нась взглядомъ. Только на заворотѣ мы теряемъ его изъ вида. Коляска подвигается быстро, но мнѣ кажется, что путешествіе наше длится цѣлую вѣчность. Наконецъ, въ Бельведерскихъ аллеяхъ мы останавливаемся. Мы передѣдомъ Елены.

Я лечу къ дверямъ, какъ будто меня погоняютъ каленымъ желѣзомъ. Ева бѣжитъ за мной и кричитъ:

— Что за несносный дѣдъ!

Важный швейцарь отворяетъ намъ двери и широкѣ таращить глаза при видѣ меня. Ева успокаиваетъ его, говорить, что старикъ пріѣхалъ съ ней, и мы всходимъ на лѣстницу.

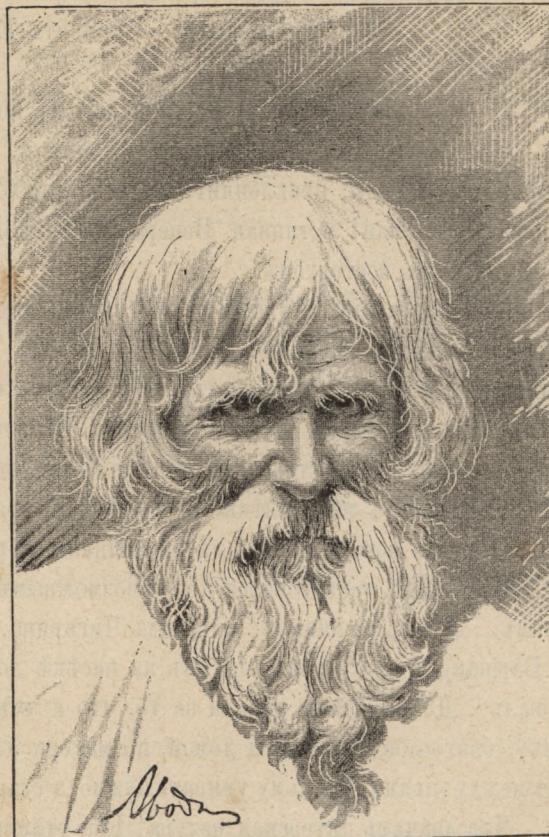
Горничная сообщаетъ, что барыня одѣвается въ сосѣдней комнатѣ.

— Добрый день! — кричитъ Ева.

— Добрый день! — отвѣчаетъ чудный, свѣжій голосъ, — сейчасъ, сейчасъ! черезъ минуту я буду готова.

— Ты не знаешь, что тебя ждеть и кого ты здѣсь увидишь... Я привезла тебѣ „діда“, самаго настоящаго „діда-гусляра“, какой ходилъ когда-либо по украинскимъ степямъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздается радостный пискъ, двери неожиданно отворяются и вѣѣгаетъ Елена, неодѣтая, въ корсетѣ, съ распущенными волосами.

— Дидъ! слѣпой дидъ! здѣсь въ Варшавѣ!

— Не слѣпой! онъ видитъ! — кричить Ева, не желая заводить шутки черезъ чуръ далеко.

Но уже поздно, потому что я падаю къ ногамъ Елены съ крикомъ:

— Ангелъ Божій! — обнимаю ея ноги и, поднимая глаза, замѣчаю форму этихъ ножекъ. — Народы, преклоняйте колѣна! приходите сюда со своими кадильницами. Венера Милосская! истинная Венера Милосская! Ангелъ Божій! — повторяю я съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Мой дидовскій энтузіазмъ объясняется тѣмъ, что послѣ долгой „мандривки“ я встрѣтилъ первую украинку. Несмотря на это, Елена высвобождаетъ свои ноги изъ моихъ рукъ и отступаетъ назадъ... Въ теченіе секунды я вижу еще ея обнаженные руки и плечи, которая напоминаютъ мнѣ Психею неаполитанскаго музея, затѣмъ видѣніе исчезаетъ и я остаюсь на колѣнахъ посреди комнаты.

Ева грозить мнѣ зонтикомъ и смеется, пряча свое лицо въ букетъ резеды.

Немного погодя черезъ двери начинается разговоръ.

Я заранѣе приготовился ко всевозможнымъ разспросамъ, и потому вру, какъ по нотамъ... Я — „пасичникъ“ изъ-подъ Чигирина. Дочка моя „помандровала“ за ляхомъ въ Варшаву, а я, старики, сидѣлъ на пасѣкѣ до тѣхъ поръ, пока и самъ не „помандровалъ“. Добрые люди давали за то, что я имъ пѣлъ пѣсни... А теперь что? Увижу дочку, благословлю ее, да и домой, по матери Украинѣ стосковался. Тамъ мнѣ и помереть между ульями. Всякому умирать нужно, а старому Пилипу давно уже пришло время...

Что значить актерская натура! Ева отлично знаетъ, кто я такой, но такъ проникается мою ролью, что начинаетъ меланхолически кивать своею хорошенкою головкой и глядѣть на меня съ сочувствіемъ. Въ голосѣ Елены изъ-за двери тоже слышится волненіе.

Двери немного растворяются, въ отверстіе показывается чудная бѣлая рука и я неожиданно становлюсь обладателемъ трехрублевой бумажки. Я долженъ взять ее, — иначе нельзя, — и изливаю на голову Елены щѣлый потокъ благословеній отъ имени всѣхъ святыхъ.

Насъ прерываетъ горничная, которая входитъ съ докладомъ, что внизу дождается панъ Остшинскій и спрашиваетъ, принимаетъ ли барыня?

— Не впускай его, душечка! — испуганно кричитъ Ева.

Елена отвѣчаетъ, что, конечно, не приметъ, и даже выражаетъ свое удивленіе по поводу столь ранняго визита. Говоря по совѣсти, и я не понимаю, какъ Остшинскій, который такъ хвастается знаніемъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, могъ прийти въ такую пору.

— Здѣсь что-то кроется! — говоритъ Ева.

Но объясняться намъ нѣтъ времени: въ дверяхъ показывается совсѣмъ одѣтая Елена и, въ то же время, докладываютъ, что завтракъ поданъ.

Дамы переходят въ столовую.

Елена непремѣнно хочетъ посадить меня за столъ, но я упираюсь и сажусь съ моими гусями у порога. Вскорѣ я получаю миску съ такимъ количествомъ пищи, что полдюжины украинскихъ дѣдовъ захворали бы отъ этого несвареніемъ желудка. Однако, я ъмъ, потому что голоденъ, и во время ъды смотрю на Елену.

Дѣйствительно, болѣе прелестной головки не найдешь ни въ какой галлереѣ! Сколько я ни живу, а никогда не видаль такихъ прозрачныхъ глазъ. Въ нихъ видны всѣ мысли, какъ видно дно чистаго ручейка. Эти глаза обладаютъ еще одною особенностью: они начинаютъ смыться, прежде чѣмъ губы, благодаря чему лицо проложняется такъ, какъ будто на него упалъ лучъ солнца. Что за невыразимая сладость въ очертаніи губъ!... Вся головка немного во вкусѣ Карло Дольче, хотя рисунокъ глазъ и губъ напоминаетъ Рафаэля въ самыхъ лучшихъ типахъ.

Я, наконецъ, перестаю ъсть и все смотрю... до смерти бы смотрѣль.

— Ты вчера не была у меня, — говоритъ Елена Евѣ, — я думала, что послѣ полудня заѣдешь.

— Утромъ у меня была репетиція, а потомъ мнѣ захотѣлось увидать картину Магурскаго.

— Ты видѣла ее?

— Плохо, народу было очень много... а ты?

— Я была утромъ. Какой удивительный поэтъ! Просто хочется плакать съ этими евреями.

Ева смотритъ на меня. Я не чувствую подъ собою земли отъ удовольствія.

— Я еще нѣсколько разъ отправлюсь смотрѣть, — говоритъ Елена. — Пойдемъ вмѣстѣ, хочешь? Можетъ быть, даже сегодня? Мнѣ отрадно не только смотрѣть на эту картину, но и думать, что у насъ проявился такой талантъ.

Скажите, можно ли не поклоняться такой женщинѣ?!

Я слышу дальше:

— Жаль, что о Магурскомъ говорять такія странныя вещи... признаюсь тебѣ, я умираю отъ любопытства увидѣть его.

— О! — небрежно роняетъ Ева.

— Ты его знаешь? да?

— Могу тебя увѣрить, что онъ много теряетъ въ близкомъ разстояніи... самовѣренный и пустой человѣкъ, совсѣмъ пустой.

Мнѣ приходить такая охота показать Евѣ языки, что я едва сдерживаюсь. А она обращаетъ ко мнѣ свои голубые глаза и ласково спрашиваетъ:

— Что же ты не кушаешь, дѣдушка?

Покажу языки, — не выдержу!

И затѣмъ опять говорить Евѣ:

— О, да! Магурскому можно удивляться, но не знакомиться съ нимъ. Остшиньской чудесно опредѣлилъ его, что это душа генія въ тѣлѣ куафера.

Остшиньскому я оборваль бы уши, еслибы онъ сказалъ что-нибудь подобное; о Евѣ я зналъ, что на концѣ ея языка находится ядъ, но не думалъ, чтобы въ такомъ количествѣ.

Къ счастью, завтракъ кончается.

Мы выходимъ въ садъ, гдѣ я долженъ выступить съ своими пѣснями.

Однако, это меня нѣсколько смущаетъ и я предпочиталъ бы быть у Елены въ качествѣ художника, чѣмъ діда.

Но дѣлать нечего!

Я сажусь у стѣны въ тѣни каштановъ. Сквозь широкіе ихъ листья проникаетъ солнце и образуетъ на землѣ множество ясныхъ пятенъ. Пятна эти дрожатъ, мигаютъ, исчезаютъ и появляются вновь, по мѣрѣ того, какъ вѣтеръ колышетъ вѣтвями. Садъ большой, глубокій, городской шумъ сюда почти не доходитъ, тѣмъ болѣе, что его заглушаетъ шумъ фонтана. Жара страшная. Между листьями слышно стрекотаніе воробьевъ, но слабое и точно сонное. Больше ничто не нарушаетъ тишину.

Я замѣчаю, что образуется чудесная картина: садъ, группы старыхъ развѣсистыхъ деревьевъ, солнечные пятна, фонтанъ, двѣ женщины недюжинной красоты и я, дідъ, сидящій съ гуслями у стѣны, — все это дышетъ прелестью, которую я, какъ художникъ, хорошо понимаю.

Но на время я забываю о своей роли и начинаю съ чувствомъ пѣть. Diva растрогивается, потому что она артистка, Елена — потому что она украинка, а я потому, что онъ обѣ такъ прелестны, что у меня сердце начинаетъ таять.

Елена слушаетъ просто, безъ искусственныхъ восторговъ, но въ ея прозрачныхъ глазахъ я вижу, что мое пѣніе доставляетъ ей истинное и чистое удовольствіе.

Что за разница съ тѣми украинками, которыхъ пріѣзжаютъ въ Варшаву на карнавалъ и въ промежуткахъ между фигурами кадрили пилить кавалеровъ своею тоской по Украинѣ, а на самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ одинъ мой знакомый, крюками бы ни одна не дала себя вытащить изъ Варшавы въ свою Украину!

Елена слушаетъ, качаетъ въ тактъ своею изящною головкой, иногда шепчетъ Евѣ: „я это знаю“ и поетъ вмѣстѣ со мною, а я превосхожу самого себя. Я выгружаю изъ памяти и груди весь запасъ степнаго материала, развозжу тоску о соколахъ, Соняхъ, Марусяхъ, степяхъ, курганахъ и Богъ вѣсть еще о чёмъ... Я самъ дивлюсь, откуда у меня столько набралось.

Время проходитъ, какъ сонъ...

Я возвратился нѣсколько усталый, но совершенно упоенный.

XV.

Въ мастерской, совершенно неожиданно для себя, я застаю супруговъ Сусловскихъ и Казю.

Они хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ...

Почему этотъ дуракъ Святецкій сказалъ имъ, что я, навѣрное, скоро вернусь?

Ни Казя, ни Сусловскіе не узнали меня. Доказательство — какъ хорошо я былъ переряженъ! Я приближаюсь къ Казѣ и беру ее за руку; Казя, немного испуганная, пятится назадъ.

— Казя, ты не узнаешь меня? — спрашиваю я.

И мнѣ хочется расхохотаться при видѣ ея изумленія.

— Да, вѣдь, это Владекъ, — поясняетъ Святецкій.

Казя хорошенько всматривается въ меня, наконецъ, начинаетъ смѣяться и восклицаетъ:

— Фу! какой гадкій дѣдъ!

Это я-то гадкій дѣдъ! Желалъ бы я знать, гдѣ она видѣла лучшаго! Но для бѣдной Кази, воспитанной на эстетическихъ воззрѣніяхъ пана Суловскаго, всякий дѣдъ долженъ казаться гадкимъ.

На нѣсколько минутъ я скрываюсь въ нашу кухню и вскорѣ показываюсь въ своемъ натуральномъ видѣ.

Казя и ея родители начинаютъ выпытывать отъ меня, что значитъ этотъ маскарадъ.

— Что значитъ этотъ маскарадъ?... Очень простая вещь... Видите ли, мы, художники, иногда оказываемъ другъ другу товарищескія услуги въ качествѣ натуращиковъ. Вотъ, напримѣръ, Святецкій, — онъ позировалъ мнѣ для фигуры старого жида. Ты, Казя, не узнала его на картинѣ? Я теперь позирию Ценковскому. Такой ужъ обычай въ средѣ художниковъ, тѣмъ болѣе, что въ Варшавѣ мало моделей.

— Мы хотѣли сдѣлать тебѣ сюрпризъ нашимъ приходомъ, — говоритъ Казя, — къ тому же, я никогда не была въ мастерской художника. Но что за безпорядокъ! И такъ у всѣхъ живописцевъ?

— Болѣе или менѣе, болѣе или менѣе.

Панъ Суловскій заявляетъ, что предпочиталъ бы видѣть у меня болѣшій порядокъ и надѣется на перемѣну къ лучшему въ будущемъ. Мнѣ ужасно хочется разбить свои гусли объ его голову. Казя тѣмъ временемъ кокетливо улыбается и говоритъ:

— Есть одинъ господинъ художникъ, — зачѣмъ называть его по имени? — у которого будетъ иначе, разъ только я возьмусь за него... все будетъ разставлено въ порядкѣ, разложено, окурено.

Тутъ она поднимаеть кверху свой вздернутый носикъ, смотрить на фестоны паутины, украшающей углы нашей мастерской, и добавляетъ:

— Даже всякаго купца поразить такой безпорядокъ... Придетъ кто-нибудь и сразу очутится словно въ лавѣ старьевщика. Напримѣръ, это оружіе страхъ какъ заржало. А чего проще: позвать горничную, приказать ей натолочь кирпичу — и все начнетъ свѣтиться, какъ новый самоваръ.

Святые угодники! Она говорить о купцахъ и хочетъ чистить кирпичомъ мои кольчуги, добытны изъ могиль... Ахъ Казя, Казя!

Растроганный Сусловскій цѣлуетъ ее въ лобъ, а Святецкій издастъ звуки, напоминающіе хрюканье дикаго вепря.

Казя грозитъ мнѣ пальчикомъ и говоритъ дальше:

— Прошу васъ помнить, что все это перемѣнится.

И она доканчиваетъ:

— А если нѣкто не придетъ къ намъ вечеромъ, то онъ будетъ гадкій и его не будуть любить.

Тутъ она закрываетъ глаза. Не могу сказать, чтобы ея гримаски не были прелестны. Обѣщаюсь прийти и провожаю своихъ будущихъ родственниковъ до самаго низу.

Возвратившись, я застаю Святецкаго, съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ разсматривающаго цѣлую пачку сторублевокъ, лежащихъ на столѣ.

— Что это такое?

— Ты не знаешьъ, что случилось?

— Не знаю.

— Я обокралъ одного человѣка, какъ настоящій разбойникъ.

— Какъ такъ?

— Продалъ свои трупица.

— А эти деньги?

— Да... подлый я ростовщикъ, больше ничего.

Я обнимаю Святецкаго, отъ души желаю ему всего лучшаго, а онъ начинаетъ мнѣ рассказывать, какъ все это было.

— Сижу я послѣ твоего ухода, какъ вдругъ появляется какой-то господинъ и спрашиваетъ меня, не я ли Святецкій. Я отвѣчаю: „Любопытно знать, почему бы мнѣ и не быть Святецкимъ?“ Тогда онъ говоритъ: „Я видѣлъ вашу картину и хочу ее купить“. Я ему говорю: „Это очень хорошо, но позвольте мнѣ сказать, что нужно быть идіотомъ для того, чтобы купить такую подлую картину“. А онъ опять: „Я, — говоритъ, — не идіотъ, но у меня есть слабость покупать картины, нарисованныя идіотами“. — „Когда такъ, то хорошо“, — говорю. Онъ спрашиваетъ меня о цѣнѣ, я отвѣчаю: „А мнѣ что за дѣло?“ — „Даю вамъ столько-то“. — „Отлично! если можете дать, то и давайте!“ Онъ отдалъ деньги и ушелъ. Карточку оставилъ, — Бялковскій, докторъ медицины... Я подлый ростовщикъ и больше ничего!

— Да здравствуютъ трупица! Святецкій, душа моя, женись!

— Мнѣ лучше повѣситься, — говоритъ Святецкій, — подлый я ростовщикъ, ничего больше!

XVI.

Вечеромъ я у Суловскихъ.

Мы помѣстились оба съ Казей въ гостиной, въ нишѣ, на козеткѣ. Пани Сулов-

ская сидить за столомъ у лампы и шеть что-то для приданаго Кази, а панъ Сусловскій съ достоинствомъ читаетъ вечерній нумеръ *Летучихъ Листковъ*.

Мнѣ какъ-то не по себѣ, хочется разогнать непрѣятное настроеніе и я очень близко подвигаюсь къ Казѣ.

Въ гостиной — тишина; прерываетъ ее только шепотъ Кази, которую я пытаюсь обнять и которая говорить мнѣ:

— Владекъ, папа увидѣть!

Въ это время папа поднимаетъ головъ и начинаетъ читать:

„Картина извѣстнаго художника Святецкаго „Послѣдняя встрѣча“ пріобрѣтена докторомъ Бялковскимъ за 1,500 рублей...“

— Да, да, — говорю я, — Святецкій продалъ ее сегодня утромъ.

При этомъ я стараюсь вновь обнять Казю и слышу ея шепотъ:

— Папа увидѣть!

Мои глаза невольно устремляются на пана Суловскаго. Вдругъ я вижу, что лицо его измѣняется; онъ прикрываетъ рукою глаза отъ свѣта и наклоняется надъ *Летучими Листками*.

Какого черта онъ могъ найти тамъ?

— Отецъ, что съ тобою? — спрашиваетъ пани Суловская.

Онъ встаетъ, дѣлаетъ два шага къ намъ, потомъ останавливается, пронизываетъ меня взоромъ и, заломивъ руки, начинаетъ качать головой.

— Что съ вами?

— Вотъ какъ всякая фальшь и измѣна выходятъ наружу! — патетично говорить Суловскій. — Читайте, милостивый государь, если стыдъ дозволить вамъ дочитать до конца.

Онъ дѣлаетъ движеніе какъ будто завертывается въ тогу и подаетъ мнѣ нумеръ *Летучихъ Листковъ*. Взглядъ мой падаетъ на статью, озаглавленную: *Украинскій Гусляръ*. Я немного конфужусь и читаю слѣдующее:

„Нѣсколько дней тому назадъ въ нашемъ городѣ появился рѣдкій гость — старый украинскій гусляръ, который ходить по живущимъ въ Варшавѣ украинскимъ семействамъ, прося о вспомоществованіи и распѣвяя въ замѣнѣ этого свои пѣсни. Говорятъ, что старымъ бардомъ въ особенности заинтересовалась наша извѣстная, симпатичная артистка, Е. А., съ которой его не дальше, какъ сегодня утромъ, видѣли въ коляскѣ. Въ первый день появленія далекаго гостя обращался странный слухъ, что подъ рушищемъ гусляра скрывается одинъ изъ нашихъ знаменитѣшихъ художниковъ, который, такимъ образомъ, не обращая на себя вниманія мужей и родственниковъ, находитъ легкій доступъ во всѣ будуары. Съ своей стороны мы увѣрены, что слухъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, хотя бы потому, что наша дива ни въ какомъ случаѣ не согласилась бы принимать участіе въ подобныхъ предпріятіяхъ. Старичокъ, по нашимъ сообра-

женіямъ, прибрель прямо изъ Украины. Разсудкомъ онъ немногого тронуть, но за то память его сохранилась превосходно“...

Вотъ мука-то!

Сусловскій такъ взволнованъ, что не можетъ выговорить ни слова, но, наконецъ, потокъ негодованія вырывается изъ его устъ.

— Какую новую ложь, какую новую увертку придумаете вы для оправданія вашего поведенія? Или это не вѣсъ возили сегодня въ столь презрѣнной одеждѣ?... Кто этотъ дѣдъ?

— Этотъ дѣдъ — я, — отвѣчаю, — но не понимаю, почему вы вѣходите его одеждѣ презрѣнной.

Въ эту минуту Казя вырываетъ изъ моей руки нумеръ *Летучихъ Листковъ* и начинаетъ его читать. Сусловскій еще плотнѣй завертывается въ тогу негодованія и продолжаетъ:

— Едва переступивъ порогъ честнаго дома, вы вносите съ собою растлѣніе: еще не будучи мужемъ этого несчастнаго ребенка, вы измѣняете ей въ сообществѣ съ женщиной легкаго поведенія, топчете въ грязь наши упованія и нарушаете святыню произнесеннаго вами обѣта... И для кого? Для театральной гетеры?!

Тутъ меня охватываетъ страшная злоба.

— Довольно, — говорю я. — Эта гетера стдитъ дороже десятка такихъ фальшивыхъ Катоновъ, какъ вы... Мы съ вами пока еще ничѣмъ не связаны, и знайте что вы мнѣ ужасно надоѣли. Я по горло насытился и вашимъ пафосомъ, и вашими...

У меня не хватаетъ словъ, да, наконецъ, они и не нужны, потому что Суловскій вдругъ разстегиваетъ воротъ рубашки, какъ будто бы желая сказать:

— Рази! я не прошу пощады, — вотъ грудь моя...

Но я и не думаю разить. Я только довоожу до общаго свѣдѣнія, что собираюсь уходить изъ опасенія наговорить еще чего-нибудь пану Суловскому.

И, дѣйствительно, я ухожу, не прощаюсь ни съ кѣмъ.

Свѣжій воздухъ охлаждаетъ мою разгоряченную голову.

Ночь чудесная; девять часовъ вечера.

Мнѣ необходимо пройтись, чтобы окончательно успокоиться, и я бѣгу въ Бельведерскія аллеи.

Окна въ виллѣ Елены темны. Очевидно, ея нѣтъ дома. Не знаю почему, это обстоятельство до крайности огорчаетъ меня...

Еслибъ я увидаль хоть силуэтъ ея на шторѣ, я успокоился бы, а теперь мною овладѣваетъ новый припадокъ злобы...

Что я съ этимъ Остшиньскимъ сдѣлаю при первой встрѣчѣ — и самъ не знаю...

Къ счастью, онъ не изъ такихъ, которые уклоняются отъ отвѣта.

Только, собственно говоря, за что я придерусь къ нему? Статья написана съ адской ловкостью. Вѣдь Остшиньский противорѣчитъ мнѣнію, что дѣдъ — никто иной,

какъ переодѣтый художникъ, какъ будто бы защищаетъ Еву, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно старается скомпрометировать ее въ глазахъ Елены, мстить мнѣ за Казю и, въ концѣ-концовъ, подвергаетъ меня посмѣянію.

Хоть бы онъ, черти-бѣ его взяли, не писаль, что я тронутъ умомъ! Свершилось... Въ глазахъ Елены я поставленъ въ безвыходно-смѣшное положеніе.

Она постоянно читаетъ *Летучие Листки*.

Ай, ай! что за гадость и какой пріятный сюрпризъ для Евы! Какъ теперь, поди, Остшиньскій торжествуетъ! Нужно что-нибудь сдѣлать; но если я знаю что, то пусть на всю жизнь останусь репортеромъ *Летучихъ Листковъ*.

Мнѣ приходить въ голову посовѣтоваться съ Евой. Она сегодня играетъ... Побѣгу въ театръ и увижу съ ней послѣ окончанія пьесы.

Времени еще довольно.

Черезъ полчаса я уже въ ся уборной.

Ева сейчасъ кончить, а пока я оглядываюсь по сторонамъ.

Наши театры, какъ извѣстно, не отличаются роскошью обстановки. Комната съ голыми оштукатуренными стѣнами, два газовыхъ рожка, зеркало, умывальникъ, нѣсколько стульевъ, въ углу кушетка (вѣроятно, частная собственность Евы) — вотъ и вся ея уборная... Передъ зеркаломъ множество туалетныхъ принадлежностей, недопитая чашка чернаго кофе, коробка съ румянами и бѣлыми, карандаши для бровей, нѣсколько паръ перчатокъ, еще сохранившихъ форму руки, посреди нихъ два парика; на боковой стѣнѣ рядъ платьевъ — бѣлыхъ, розовыхъ, темныхъ, легкихъ и тяжелыхъ; на полу стоятъ двѣ корзины съ разными разностями. Комната пропитана запахомъ оризы и пудры. Что за пестрота повсюду, какъ тутъ все разбросано, сколько красокъ, сколько отблесковъ, сколько тѣней и игры свѣта при колеблющемся пламени газовыхъ рожковъ!

Это картина своего рода, здѣсь есть характеръ... Въ концѣ-концовъ, здѣсь ничего нѣть, чего не было бы въ любой дамской уборной, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть что-то производящее впечатлѣніе не простой уборной, а какого-то убѣжища, чувствуется вліяніе невидимаго очарованія... Надѣ этимъ безпорядкомъ, пестротою, между этими ободранными стѣнами носится дыханіе искусства.

Слышенъ взрывъ рукоплесканий. А, конецъ! Черезъ стѣны до меня доходятъ крики: „Адами! Адами!“ Проходить четверть часа, а тамъ все еще кричать.

Наконецъ, вѣгаеть Ева въ образѣ „Теодоры“...

На головѣ у ней корона, глаза подведены, щеки пылаютъ огнемъ. Распущенныя ея волосы какъ морская волна спадаютъ на обнаженную шею и руки. Она взволнована и утомлена до такой степени, что говорить мнѣ еле слышнымъ голосомъ: „какъ живаешь, Владекъ?“ и, поспѣшно снявъ корону, кидается въ своеѣ королевскомъ одѣяніи на кушетку. Очевидно, она не можетъ вымолвить ни слова, потому что смотритъ на меня молча, какъ измученная птица... Я сажусь около нея, кладу ей руку на лобъ и не думаю ни о чемъ, кромѣ нея...

Я вижу въ этихъ подведенныхъ глазахъ неостывшій еще огонь увлеченія, вижу на этомъ лбу печать искусства, вижу, какъ эта дѣвушка приносить въ жертву театральному Молоху кровь, здоровье, жизнь, какъ грудь ея задыхается отъ недостатка воздуха—и меня охватываетъ такое сожалѣніе, такое сочувствіе, что я не знаю, какъ мнѣ дальше поступать...

Мы сидимъ нѣсколько минутъ не говоря ни слова, наконецъ, Ева указываетъ на номеръ *Летучихъ Листковъ*, лежащій на туалетѣ, и шепчетъ:

— Какъ это непріятно, какъ непріятно!

Вдругъ она разражается нервнымъ рыданіемъ и дрожитъ, какъ листъ.

Я хорошо знаю, что она рыдаетъ отъ утомленія, а не по поводу *Летучихъ Листковъ*, что эта статья такой пустякъ, о которомъ всѣ завтра забудутъ, Остшиньскій не стоитъ одной слезы Евы, но, несмотря на все это, сердце мое начинаетъ сжиматься все сильнѣй и сильнѣй. Я схватываю ея руки и покрываю ихъ поцѣлуями, грѣю ихъ, прижимаю къ груди. Сердце мое начинаетъ отчаянно биться, со мной совершается что-то странное. Не сознавая самъ, для чего, я опускаюсь на колѣни передъ Евой, какое-то облако затемняетъ мнѣ глаза и вдругъ я безъ памяти обнимаю се.

— Владекъ, Владекъ, сжался! — шепчетъ Ева.

Но я крѣпче прижимаю ее къ своей взволнованной груди, я не сознаю уже ничего, я потерялъ сознаніе... Я цѣлую ея лобъ, глаза, губы и могу выговорить только одно слово:

— Люблю тебя! люблю!...

Въ это время головка Евы закидывается назадъ, руки ея лихорадочно обнимаютъ мою шею и я слышу шепотъ:

— Я тебя давно люблю!...

XVII.

Если для меня на всемъ свѣтѣ есть болѣе дорогое созданіе, чѣмъ Ева, то я самый ужасный негодяй.

Говорить, что мы, артисты, дѣлаемъ все подъ впечатлѣніемъ минуты, но въ данномъ случаѣ это неправда: оказывается, что я давно любилъ Еву, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ такимъ осломъ, что не зналъ объ этомъ.

Одинъ Богъ знаетъ, что было со мной, когда я провожалъ ее въ этотъ вечеръ домой... Мы шли подъ руку, не говоря другъ другу ни слова... Только я прижималъ иногда къ груди руку Евы, а она — мою. Я чувствовалъ, что она любить меня всею душой...

Проводилъ я ее на лѣстницу и когда мы очутились въ ея маленькой гостиной, намъ стало такъ неловко, что мы не смѣли посмотреть въ глаза другъ другу. Только когда Ева закрыла лицо руками, я оторвалъ ея руку и тихо спросилъ: „Ева, ты моя? правда?“ Она прижалась ко мнѣ.

— Да, да!...

Она была такъ прелестна, въ ея блестящихъ глазахъ виднѣлась такая истома, что я не могъ оторваться отъ нея.

Правда, и она не могла оторваться отъ меня, какъ будто бы хотѣла вознаградить себя за долгое молчаніе и затаенное чувство.

Возвратился я домой поздно. Святецкій не спалъ. Онъ рисовалъ при лампѣ для какого-то иллюстрированного журнала.

— Тутъ письмо къ тебѣ, — говорить онъ, не отрывая глазъ отъ работы.

Я беру письмо и нащупываю сквозь конвертъ кольцо. Отлично! Оно пригодится мнѣ завтра. Распечатываю и читаю слѣдующее:

„Думаю, что возвращеніе кольца доставить вамъ удовольствіе, потому что вы, видимо, и разсчитывали на это. Что касается меня, то я не имѣю желанія соперничать съ актрисами *K.*“.

По крайней мѣрѣ, коротко!.

Письмо это дышетъ гнѣвомъ, и только однимъ гнѣвомъ.

Если какая-нибудь тѣнь очарованія окружала еще Казю въ моихъ глазахъ, то тѣнь эта разсѣялась безповоротно.

Странное дѣло: всѣ предполагаютъ, что главною причиной моего переодѣванія и дальнѣйшихъ похожденій была Ева. И дѣйствительно, Ева будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ томъ, что свершится въ будущемъ.

Я комкаю письмо, засовываю его въ карманъ и иду спать... Святецкій отрываетъ глаза отъ работы и смотрить на меня въ ожиданіи, не скажу ли я чего-нибудь, но я молчу.

— Послѣ театра былъ здѣсь подлецъ Остшиньскій, — говорить Святецкій.

XVIII.

На утро въ десять часовъ я хочу летѣть къ Евѣ, но нельзя: у меня гости.

Приходитъ баронъ Картофлеръ и заявляетъ о своемъ желаніи имѣть дупликать моихъ „Евреевъ“. Даетъ мнѣ полторы тысячи рублей, я требую двѣ. Дѣло оканчивается по-моему.

Послѣ его ухода получаю отъ Танценберга предложеніе написать два портрета. Святецкій (онъ антисемитъ) называетъ меня самого жидомъ, но желалъ бы я знать, кто пріобрѣтаетъ у насъ произведенія искусства, какъ не „финансы“? Если же „финансы“ боятся трупицей Святецкаго, то ужъ это не моя вина.

Къ Евѣ я прихожу только въ часъ, отдаю ей кольцо и объявляю, что послѣ свадьбы мы уѣзжаемъ въ Римъ.

Ева соглашается съ радостью, и насколько мы вчера молчали, настолько сегодня разговорчивы.

Я говорю ей о сегодняшнихъ предложеніяхъ и мы радуемся вмѣстѣ. Портреты

я закончу здѣсь, а евреевъ для Картофлера буду писать въ Римѣ. Потомъ мы возвратимся въ Варшаву, устроимъ мастерскую и будемъ жить, какъ въ раю.

Составляя все эти проекты, я кланусь Евѣ, что годовщину вчерашняго дня мы будемъ праздновать всю нашу жизнь. Но она прячетъ голову на моей груди и просить, чтобы я обѣ этомъ ничего не говорилъ. Потомъ она обвиваетъ мнѣ шею расширенными рукавами своего утренняго калота и называетъ своимъ великимъ человѣкомъ. Она блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно, но вся сияетъ радостью.

О! какимъ я былъ осломъ, что, зная такую женщину, искалъ счастья въ другомъ мѣстѣ, въ сферѣ, которая была мнѣ чужда и въ которой я чувствовалъ себя чужимъ!

Какъ у Евы, однако, сильны актерскія привычки! Она тотчасъ же проникается своимъ положеніемъ и невольно до нѣкоторой степени играетъ роль молодой и счастливой невѣсты. Но я не ставлю это въ вину дорогому существу, которое столько лѣтъ провело на театральныхъ подмосткахъ.

Послѣ обѣда мы єдемъ къ Еленѣ Колчановской.

Съ минуты, когда Ева можетъ представить меня, какъ своего жениха, продѣлка съ дѣдомъ получаетъ самое невинное значеніе и не можетъ служить предметомъ недоразумѣнія между дамами. Елена, узнавъ обѣ этомъ, принимаетъ нась съ распостертыми объятіями и совершенно счастлива счастіемъ Евы. Мы смеемся, какъ школьники надъ „дидомъ“, надъ тѣмъ, что „дидъ“ долженъ быть выслушивать о художникѣ Магурскомъ. Вчера я хотѣлъ убить Остшиньского, сегодня мы удивляемся его остроумію.

Елена смеется такъ, что ея прозрачные глаза наполняются слезами (кстати, сегодня она еще прелестнѣе). Когда, въ концѣ资料的 посыпки, она наклоняетъ головку, я не могу оторвать отъ нея глазъ, да и Ева до такой степени подчиняется вліянію ея очарованія, что потомъ въ теченіе цѣлаго дня безсознательно подражаетъ этому взгляду и этому наклоненію головы.

Мы условливаемся, что по возвращеніи изъ-за границы я буду писать портретъ Елены, но раньше напишу портретъ Евы, если только съумѣю перенести на полотно ея тонкія черты и лицо — настолько выразительное, что каждое впечатлѣніе отражается на немъ, какъ облачко въ ясной водѣ.

Но я съумѣю, да и почему бы мнѣ не съумѣть?

XIX.

Вечеромъ *Летучіе Листки* разглашаютъ баснословные слухи о предложеніяхъ, которыя я получилъ.

Доходы мои исчисляются десятками тысячъ.

Можеть быть, этимъ отчасти я могу объяснить полученіе письма, въ которомъ Казя говоритъ, что отослала свое кольцо подъ вліяніемъ гнѣва и ревности; но если бы я пришелъ и мы вмѣстѣ упали бы къ ногамъ родителей, родители, можетъ быть, и простили бы насъ.

Довольно съ меня этихъ колѣнопреклоненій и этихъ прощеній! Я не отвѣчалъ ничего. Пусть къ ихъ ногамъ падаетъ, кто хочетъ, а Казя пусть выходить за Остшиньскаго: мнѣ довольно моей Евы.

Однако, мое молчаніе приводить семью Сусловскихъ въ тревогу: иѣсколько дней спустя приходитъ тотъ же самый посланецъ съ письмомъ Кази, но на этотъ разъ уже къ Святецкому.

Святецкій показываетъ мнѣ письмо. Казя проситъ его прийти на минуту, для совѣщенія по дѣлу, отъ котораго зависить все ея будущее, далѣе разсчитываетъ на его сердце, на его прямодушіе, которое она подмѣтила въ немъ съ первого взгляда, и надѣется, что Святецкій не откажется просьбѣ несчастной женщины. Святецкій ругается, ворчтъ себѣ подъ носъ что-то о подлыхъ филистерахъ, о необходимости перевѣшать ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ будущимъ потомствомъ, но, все-таки, идетъ.

Я догадывалась, что на меня хотятъ взять черезъ него.

XX.

Святецкій, въ сущности, человѣкъ мягкосердечный, очевидно, совсѣмъ покоренъ.

Цѣлую недѣлю онъ ходитъ къ Сусловскому каждый день, а со вчерашняго дня обходить меня стороной и поглядываетъ изподлобья, словно волкъ.

Наконецъ, за чаемъ онъ сердито спрашиваетъ меня:

— Слушай, что ты намѣренъ сдѣлать съ этою дѣвушкой?

— Съ какою дѣвушкой?

— Съ Сусловской, что ли, или какъ ее тамъ...

— Ничего я не думаю дѣлать съ Сусловской или какъ ее тамъ...

Наступаетъ минута молчанія, потомъ Сусловскій снова говоритъ:

— Она по цѣлымъ днямъ реветъ, просто смотрѣть жалко...

Что за добрая душа!

Въ это время и въ голосѣ Святецкаго слышится волненіе, но онъ кряхтить, какъ носорогъ, и прибавляетъ:

— Порядочный человѣкъ такъ не поступаетъ.

— Святецкій, ты начинаешь напоминать мнѣ пана Сусловскаго!

— Можетъ быть... я предпочитаю напоминать Сусловскаго, чѣмъ оскорблять его дочь.

— Пропусти тебя, отвяжись ты отъ меня.

— Хорошо, я могу даже вовсе не знать тебя.

На томъ наша бесѣда кончается и съ той минуты мы съ Святецкимъ не разговариваемъ.

Мы притворяемся, что не знаемъ другъ друга. Это тѣмъ забавнѣй, что живемъ мы съ нимъ вмѣстѣ, вмѣстѣ пьемъ чай и ни одному изъ настѣ не приходить въ голову мысль выбраться изъ мастерской.

День моей свадьбы съ Евой приближается:

При помощи *Летучихъ Листковъ* вся Варшава знаетъ объ этомъ. Всъ на насъ смотрятъ, въ особенности удивляются Евъ. Когда мы были на выставкѣ, насъ окружили такъ, что мы едва могли протолкаться сквозь толпу.

Моя незнакомая доброжелательница снова присыпаетъ мнѣ анонимное письмо, въ которомъ предостерегаетъ меня, что Ева не можетъ быть подходящею женой такого человѣка, какъ я...

„Не вѣрю тому, чтѣ говорять объ отношеніяхъ панны Адами къ пану Остшиньскому (пишетъ моя доброжелательница), но вамъ, маэстро, нужна жена, которая посвятила бы себя всецѣло вашей славѣ и величію, а панна Адами сама артистка и всегда будетъ похищать у васъ лавры...“

Святецкій все ходитъ къ Сусловскимъ, но теперь уже, очевидно, въ качествѣ утѣшителя, потому что Сусловскіе должны знать о моихъ намѣреніяхъ.

Я выхлопоталъ Евъ у театральной дирекціи неограниченный отпускъ. Ева начинаетъ причесываться, какъ сельская дѣвушка, одѣвается очень скромно и носить платья съ высокимъ лифомъ. Все это очень идетъ къ ней. Сцена въ уборной ни разу не повторялась. Ева не позволяетъ! Самое большее, на что я имѣю право, это цѣловать ея руки. Это меня приводить въ страшное петерпѣніе, но я утѣшаю себя мыслью, что когда-нибудь...

Любить она меня безъ памяти. Цѣлые дни мы проводимъ вмѣстѣ. Я началъ учить ее рисованію. Дѣло идетъ на ладъ, живопись ее необыкновенно интересуетъ.

XXI.

Зевсъ громовержецъ, на что ты смотришь съ вершины Олимпа? Творятся вещи, о которыхъ не снилось ни одному мудрецу.

Наканунѣ моей свадьбы приходитъ Святецкій, толкаетъ меня локтемъ, и отворачивая въ сторону свою взъерошенную голову, угрюмо говоритъ:

— Владекъ... знаешь, я замышляю злодѣяніе.

— Наконецъ-то заговорилъ, — отвѣщаю я. — Какое злодѣяніе?

Святецкій смотрѣть въ землю и говорить какъ будто съ самимъ собою.

— Чтобы такой пьяница, какъ я, такой идіотъ безъ таланта, такой моральный и физическій банкротъ женился на дѣвушкѣ, подобной Казѣ, — это настоящее злодѣяніе!

Я ушамъ своимъ не вѣрю, но бросаюсь на шею Святецкаго, не обращая вниманія на то, что онъ меня отталкиваетъ.

Свадьба его черезъ два дня.

XXII.

Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ, мы съ Евой получаемъ великолѣпную

карточку, приглашающую насъ на бракосочетаніе пана Остшиньского съ пани Еленой Турко, primo voto Колчановской.

Мы не можемъ ъхать, потому что здоровье Евы не позволяетъ.

Ева цѣлый день рисуетъ и дѣлаетъ огромные успѣхи. Я получилъ медаль въ Пештѣ. Какой-то кроатскій богачъ купилъ мою картину. Кромѣ того, у меня завязались сношенія съ Гупилемъ.

XXIII.

Въ Веронѣ у насъ родился сынъ.

Ева говоритъ, что такого ребенка никогда не видала. Дѣйствительно, необыкновенный ребенокъ!...

XXIV.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы въ Варшавѣ.

Я устроилъ великолѣпную мастерскую.

Остшиньскихъ мы посѣщаемъ довольно часто.

Онъ продалъ *Летніе Листки* и состоитъ теперь „президентомъ общества распространенія ячменной каши среди рабочихъ, не имѣющихъ занятія“. Ничто не можетъ дать понятія о его великолѣпіи и обѣ окружающемъ его уваженіи. Меня онъ треплетъ по плечу и говоритъ: „ну, благодѣтель!“ Онъ покровительствуетъ литературнымъ талантамъ и принимаетъ по середамъ.

Она прелестна, какъ мечта.

Дѣтей у нихъ нѣть.

XXV.

Помогите, умираю отъ смѣха!...

Прѣѣхали изъ Парижа Святецкіе. Она играетъ роль жены артиста изъ золотой богемы; онъ носить шелковыя рубашки, чолку и бороду клинушкомъ... Я все понимаю, понимаю, что она могла справиться съ его привычками, характеромъ, но какъ справилась она съ его волосами, это останется для меня вѣчною загадкой.

Святецкій не пересталъ писать трупица, но пишетъ также и картины изъ сельской жизни. Онъ пользуется большимъ успѣхомъ. Портреты ему не удаются, — все выходитъ какой-то трупный цвѣтъ лица.

Спрашивалъ я его, по старой дружбѣ, счастливъ ли онъ съ женой. Отвѣчаетъ, что никогда и не мечталъ о подобномъ счастьѣ. Признаюсь, Казя обманула мои ожиданія въ благопріятномъ смыслѣ.

И я былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибы нервы моей жены не были такъ разстроены. Я даже слышалъ однажды ночью, какъ бѣдняжка плакала. Я знаю, что это такое! Она тоскуетъ по театрѣ. Молчитъ, но тоскуетъ...

Началь рисовать портретъ пани Остшиньской. Ей-Богу, что это за женщина! Даже страхъ передъ Остшиньскимъ не удержалъ бы меня... И еслибъ не моя любовь къ Евѣ, то, право, не знаю... Но я ужасно люблю Еву, ужасно!

